

РАДИ МЕСТИ ОНА ГОТОВА
СЖЕЧЬ ВЕСЬ МИР ДОТЛА

И СГУИНЕТ

ВСЕ

В ОГНЕ

18+

АНДРЕЙ ШВАРЦ

Young Adult. Запретная магия

Андрей Шварц

И сгинет все в огне

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шварц А.

И сгинет все в огне / А. Шварц — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Запретная магия)

ISBN 978-5-04-173579-1

В детстве Алка стала свидетельницей жестокого убийства своих родителей руками Волшебников, после чего ее похитила подпольная группа повстанцев. Спустя годы Алка решает отомстить: она поступает в самую элитную школу магии в Республике — Академию Блэкуотер, место, где происхождение и статус решают всё. Место, где Алка свершит правосудие над убийцами. Чтобы выжить, ей придется лгать, жульничать, убивать и использовать все уловки из своего шпионского арсенала. И впервые в жизни независимой Алке предстоит завести друзей, которые помогут устроить переворот в Академии Блэкуотер. Удастся ли ей победить в коварной и запутанной игре, оставшись в живых? Мрачное фэнтези в декорациях темной академии, где сплетаются любовь, месть, обманы, интриги, магия огня и борьба за справедливость. «Злобно, проникновенно, кроваво. Андрей Шварц точно знает, что делает». — Э.К. Джонстон, автор бестселлера New York Times «Сказки тысячи ночей»

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-173579-1

© Шварц А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	49
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Шварц

И сгинет все в огне

Andrew Shvarts

IT ENDS IN FIRE

Copyright © 2021 by Andrew Shvarts

Originally published by Little, Brown and Company

Published by arrangement with Pippin Properties, Inc. through Rights People, London and The
Van Lear Agency

Иллюстрация на переплете – *Рене Бартанг*

© Крючков В., Блонский Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Настоящее

Уже половина первого, а повозки до сих пор нет. Бандиты начинают беспокоиться. И я тоже. Последние два часа мы сидим, скорчившись, в зарослях леса Дунрейвен, укрывшись среди высоких папоротников недалеко от грунтовой дороги. Погода довольно хороша: солнечный свет струится сквозь кроны высоких дубов, и где-то неподалеку красная птица напевает веселую мелодию. Но у меня болят икры, ноет спина, и, если эта повозка в ближайшее время не появится, меня ждут большие неприятности.

– Что-то долго, Алка, – говорит Дрелл.

Это главарь бандитов, здоровенный громила с полным ртом золотых зубов и татуировкой черепа, набитой на затылке лысой головы. Я целую неделю изучала таверны Нью-Финли, оценивая всех головорезов и подонков, прежде чем остановилась на нем. Возможно, Дрелл слишком груб и от него постоянно несет скисшим пивом, но он не так уж плох для разбойника с большой дороги. Он все продумывает, слушает, когда я говорю, и не сделал мне ничего плохого.

– Ты уверена, что наводка была хорошей?

– Да, – отвечаю я, хотя на самом деле совсем в этом не уверена.

Шепот сказала, что карета проедет здесь утром, а уже почти полдень.

– Хорошо. – Дрелл кладет волосатую руку на рукоять сабли, висящей на его бедре. – Надеюсь, так и есть. Ты мне нравишься, Алка, но ребята не обрадуются, если их время потратят впустую.

«Ребята» – именно то, что больше всего меня беспокоит. В подобном деле было не обойтись без команды. Вот они: Лиланд, долговязый и бледный, хмуро смотрящий в мою сторону с арбалетом в руках; Файз, ситхарский наемник со шрамами и патронташем ножей на груди; и Григгс, громоздкий Велкшен с огромным топором.

Я могу убить всех, если до этого дойдет. Но предпочла бы не подвергать себя этому испытанию.

Лиланд снимает напряжение резким вдохом.

– Приближается, – рычит он, натягивая арбалет. – Занять позиции.

Слава Богам, он прав. Сейчас и я услышала цокот копыт и скрип колес повозки по грязи. Мы садимся на корточки, затаиваем дыхание, расчехляем оружие. Ну, точнее, они расчехляют. У меня оружия нет, по крайней мере, такого, какое они могли бы увидеть. Насколько известно Дреллу и его «ребятам», я всего лишь бродячая мошенница, предложившая им работу, кокетка из таверны, ищущая немного золота.

Они и понятия не имеют, на что я способна.

Деревья на дороге зашелестели, и в поле зрения появилась повозка. Это и правда богато украшенная деревянная карета с закругленной крышей и позолоченными колесами, запряженная двумя коренастыми пятнистыми лошадьми. Кучер сидит в передней части, лицо его скрыто за широкополой шляпой, а меч, висящий сбоку, говорит о том, что он также телохранитель. Окна закрыты ставнями, так что я не могу заглянуть внутрь, но печать рычащего тигра в обрамлении красного солнца на боку повозки говорит все, что мне нужно. Семейный герб семьи Девинтер. Моя цель.

Дрелл кивает мне. Пора. Я делаю глубокий вдох, собираясь с мыслями, и вот я уже несусь сквозь папоротники прямо к дороге.

– На помощь! – кричу я, вскидывая руки. – Прошу вас, сэр! Помогите!

Кучер дергает поводья, и от резкой остановки его лошади пятятся назад.

– Боги! – рывкает он. – Кто ты, черт возьми, такая?

– Прошу вас, – всхлипываю я. По моим щекам текут настоящие слезы. Это довольно убедительное представление, если мое мнение в счет. – Вы должны мне помочь. На мою семью напали разбойники чуть выше по тропе. Я едва вырвалась. Все они... все они... – Я падаю на колени, преграждая путь повозке, и одним глазом вижу, как мои бандиты окружают ее, занимая позиции. – О, Боги! Они все мертвы.

Кучер скептически приподнимает бровь в мою сторону. Я практически вижу, как крутятся шестеренки в его голове, пока он оценивает меня. Мне семнадцать, но я выгляжу моложе, ростом чуть больше пяти футов. Мои темно-каштановые волосы растрепаны по плечам, на мне длинное розовое платье с оборками на рукавах, заляпанное грязью и разорванное по бокам.

Этого недостаточно.

– Извини, девочка, – говорит кучер, пожимая плечами. – Я занят. Если тебе нужен констебль, следуй по дороге в Нью-Финли.

– Путь туда займет не меньше дня! – взмаливаюсь я. – Пожалуйста, сэр. Умоляю вас! Смилюйтесь!

– Милосердием не заплатишь за эль, – усмехается он. – А теперь отойди с дороги, пока я... – Но он так и не закончил фразу, потому что Файз, облокотившись на борт повозки, прижал острие кинжала к нижней части его горла. Кучер отшатывается, его рука тянется к мечу, но Файз его останавливает, поднимая лезвие вверх, выпуская струйку крови, когда оно врезается в мягкую щетинистую плоть шеи.

– Я бы этого не делал, – говорит Файз. – Не стоит, если дорожишь жизнью.

Вокруг нас появляются другие бандиты: Лиланд с поднятым арбалетом, Григгс с обнаженным топором и Дрелл, уверенно шагающий по дороге. Глаза кучера бегают из стороны в сторону, но он выглядит совсем не таким обеспокоенным, как мне бы хотелось.

– Это ограбление, приятель, – кричит Дрелл. – Делай, что говорят, и никто не пострадает. Я поднимаюсь на ноги, вытирая слезы рукой, а кучер рычит на меня с таким злым взглядом, что он мог бы разрезать камень.

– Ты совершаешь ошибку, – говорит он. – Серьезную ошибку.

Лиланд дергает дверь повозки, но она не поддается.

– Заперто.

– Дай-ка сюда ключи, дружище, – говорит Дрелл. Его голос спокоен, мягок, даже когда он полностью серьезен. – Нам нужен твой товар, а не твоя жизнь.

Я надеялась, что кучер облегчит мне задачу, но он не сдвигается с места, что впечатляюще для человека, по чьей шее струится кровь.

– Мой товар, – повторяет он, качая головой. – Вы понятия не имеете, что здесь, да?

Лиланд снова дергает за ручку, но это все так же бесполезно, и теперь Дрелл наконец достает свой меч. Это дорогая изогнутая сабля с островов Киндрали, ее лезвие сияет золотом в тусклом свете.

– У тебя есть последний шанс открыть ее, – говорит он. – А потом все станет куда хуже. Затуманенные глаза кучера сужаются.

– Теперь слушай сюда. Я нахожусь на службе у генерала Грейсона Девинтера, его династия признана Сенатом. В этой карете его дочь. Дочь-*Волиебница*. Вы понимаете, что это значит, придурки? Вы хоть представляете, что с вами будет, если не отпустите нас?

Бандиты с беспокойством смотрят на меня.

– О чем это он? – шипит Лиланд.

– Он лжет, – говорю я, но мой голос на мгновение прерывается. – Это блеф. Единственное, что есть в этом фургоне, – это мешки с золотом.

– Кучка Смиранных убивает Волшебника? Сенат этого просто так не оставит, – продолжает кучер. – Они будут охотиться за вами, куда бы вы ни пошли. Они сдерут кожу с ваших костей. Убьют ваших жен, матерей, детей. Это ваш последний шанс.

– Нет, это *твой* последний шанс, – восклицает Дрелл. Он понимает, даже если другие бандиты не понимают: к этому моменту уже не имеет значения, что является правдой. Мы слишком далеко зашли, чтобы повернуть назад. – Григгс. Ломай дверь.

Григгс одобрительно хмыкает и выходит вперед, отталкивая Лиланда. Он откидывает топор назад, готовый нанести мощный удар.

Тогда я почувствовала это. В воздухе повеяло холодом, неестественным для летнего дня. Жужжащим звуком, похожим на рой саранчи. Карету окутала тьма, как будто весь свет вокруг нее потускнел, а она укрылась в тени. Другие этого не видят, но я вижу, и мой желудок сжимается.

Скопление магии. Надвигающийся шторм.

Все летит к черту.

Изнутри кареты раздается раскат грома, и ее стенка взрывается, разлетаясь волной зазубренных осколков, разрывающих Григгса на кровавые клочки. Его так и не использованный топор отлетает обратно в кусты, а тело, то, что от него осталось, с мокрым шлепком ударяется о деревья. Пыль наполняет воздух, ослепляя и жаля. Сила взрыва сбивает меня с ног, отбрасывает Дрелла в лес и заставляет Лиланда пошатнуться, нащупывая свой арбалет. Внутри разрушенной повозки раздается движение, треск света, звук скрежета металла, и раскаленная черная полоса прорезает воздух с невероятной скоростью. Секунду голова Лиланда держится на плечах. Но через мгновение отлетает в кусты.

– Назад! – кричит мужской голос, дрожа от страха.

Это Файз, он стоит посреди дороги, держа перед собой кучера, как щит, к горлу которого по-прежнему прижат кинжал. – Назад, или твой слуга умрет!

На мгновение воцаряется тишина, долгая и напряженная, а затем из-за борта кареты появляется фигура. Как только пыль рассеивается, я могу ее разглядеть. Леди Алайна Девинтер. Мы никогда не встречались. Она понятия не имеет, кто я такая. Но я знаю о ней все. Последние три года я думала только о ней. Ее имя крутилось в моей голове каждую ночь, когда я засыпала. Алайна Девинтер, Алайна Девинтер, Алайна Девинтер.

Алайна – девушка моего возраста в длинном голубом платье, с длинными каштановыми волосами, спадающими по спине в чудесно переплетенных косах, и золотым ожерельем с массивным рубином, сверкающим у основания шеи. Она глубоко погружена в Пустоту: ее глаза абсолютно черные, темные, как ночное небо, сверкающие десятками пляшущих точек света, похожих на светлячков. Файз с кучером уставились на ее лицо, а я смотрю прямо на ее руки, оценивая локусы. Волшебные палочки, одинаковые, по одной в каждой руке. Судя по виду, из черного дерева, с заостренными наконечниками из слоновой кости и кожаными рукоятками. Дорогие. Профессиональные. Могущественные.

Мое сердце колотится о ребра, а дыхание перехватывает. Согласно моей наставнице Шепот, Алайна считалась неподготовленной, новичком, которая никогда даже локусов в руках не держала. И вот, пожалуйста, – высекает боевые глифы.

– Я не шучу! – повторяет Файз, подталкивая кучера вперед. – Брось эти палочки, или твой слуга умрет!

– Прошу вас, миледи, – умоляет кучер, вот *теперь* выглядящий действительно испуганным. – Я прикрывал вас, так ведь? Я делал, как мне было велено? Я на вашей стороне!

Губы Алайны кривятся в жестокой ухмылке – и вот судьба кучера решена. Он вполне мог быть на ее стороне. Но, в конце концов, он просто еще один одноразовый Смиранный, а она Волшебница, у которой не задался день. Ее руки взлетают вверх, неуловимо быстро, четким зазубренным пятном, когда она высекает глиф в воздухе перед собой. Кучер едва успевает

закричать, как из земли у его ног вылетает каменное копьё, вонзающееся в его грудь, в спину и в Файза, стоящего позади. Оба мужчины стоят, ошеломленные, хватая ртом воздух, а затем копьё взрывается, не оставляя от них ничего, кроме пыли и тонкого красного тумана.

Мерцающие ночные глаза Алайны устремляются на меня. Я откидываюсь на руки, прижимая их к пояснице, просовывая их под платье, к кожаному поясу на талии, к его скрытым ножнам. Ладони находят две рукояти и крепко сжимаются. У меня есть один шанс, всего один шанс выбраться отсюда живой. Алайна склоняет голову набок, изучая меня, как насекомое. И так же сильно, как я хочу ударить, так же сильно, как все мое тело кричит: «В атаку!», так же сильно, как мое предплечье покалывает, пульсирует, горит, я знаю, что должна подождать и позволить ей сделать первый ход.

Левая рука Алайны взмывает вверх, поднимая локусы. Сейчас.

Я издаю рев, вскакиваю на ноги и вытягиваю руки, обнажая два коротких ножа, вырезанные из кости, с острыми как бритва краями, рукоятки которых магически пульсируют. Мои локусы не такие великолепные, как у Алайны, но они сделают свое дело.

Я соскальзываю в Пустоту.

Мир вокруг меня тает, и время замедляется. Яркая зелень леса, голубое небо над головой, алая кровь, разбрызганная по деревьям, – все это исчезает в серой дымке, как будто сцену, окружающую нас, поглотил туман. Черный пепел летает в воздухе, словно падающий снег. В Пустоте нет ни единого звука, кроме биения моего сердца и оглушительного рева магии. На одно мгновение, на один жизненно важный момент все остальное исчезает. Остаемся только я и Алайна, противостоящие друг другу.

Я вижу, как ее глаза расширяются от шока в тот момент, когда она понимает, кто я, но уже слишком поздно. Она уже вырезала первые две линии глифа, и они парят в воздухе перед ней на конце ее левого локуса, призрачные, элегантные и ярчайше-красные. Длинная линия вытянулась вниз под углом в сорок пять градусов, разделенная посередине вертикальным разрезом. Основа Огня. И, судя по тому, как она поднимает правый локус, по повороту запястья, я предполагаю, что она собирается обвести его для второй формы, создавая единый пылающий взрыв.

Это базовый глиф атаки. Такой, какой бы использовали, убивая беззащитного, съезжившегося Смирненного. Это определенно не то, что нужно применять против другого Волшебника, но для Алайны уже слишком поздно. Она уже начала вырезать этот глиф, и, если остановится сейчас, он взорвется у нее перед носом. Опытный Волшебник мог бы его перенаправить, возможно, найти другую форму из этой основы, но Алайна далеко не так хороша. Поэтому, даже если она знает, что это не сработает, даже если она знает, что обречена, все, что Алайна может сделать, – это поднять правую руку и завершить его.

Пустота пульсирует вокруг, дымящаяся и темная. Я поднимаю локусы и с помощью двух костяных ножей вырезаю в воздухе перед собой собственный глиф атаки. Мои клинки глубоко вонзаются в кожу мира. Треугольник с тремя штрихами для основы Льда и заштрихованный шестиугольник вокруг него для второй формы прочного щита. Он сложнее, чем у Алайны, но это не имеет значения, потому что в Пустоте время движется медленно и работает в пользу обороняющегося. Огненный шар Алайны уже формируется перед ней, воздух вокруг колеблется от жара, но, прежде чем он добирается до меня, я закрываю шестиугольник, и мой глиф готов. Идеальный шестиугольный щит из голубого льда висит в воздухе, вращаясь, словно монета.

Я моргаю, перемещаясь обратно в Реальность. Цвета и звуки возвращаются в мгновение ока, как и привычное течение времени. Огненный шар Алайны несется на меня, как метеор, но мой ледяной щит устремляется ему навстречу, оставляя следы сверкающего инея в грязи под ним. Лед встречается с огнем, и лед побеждает. Огненный шар в полете растворяется в пар. И мой щит проносится мимо него, таран из светящегося синего, который невозможно остановить. Алайна издает короткий крик, когда он ударяет в нее, а затем проходит сквозь нее,

в нее. Ее кожа синеет, а кровь замерзает в венах. В волосах потрескивает иней. Ее лицо так и застывает в выражении ужаса, даже когда глаза стекленеют, а дыхание замерзает на губах.

Щит в основном рассеивается при ударе, но несколько полосок льда со свистом улетают в лес, разбиваясь о деревья и замораживая кустарник. Алайна мгновение стоит, как статуя, а затем падает и неподвижно лежит, по-прежнему держа в ледяной хватке свои локусы.

Я судорожно выдыхаю, падая на колени. Все мое тело дрожит, колени подкашиваются. Левый рукав задран, и Божья метка пылает на предплечье. Это больно, так больно, как будто вся рука наполнилась льдом, что, наверное, недалеко от правды.

Меня резко поражает осознание. Я выиграла. Я действительно победила. Алайна не первая, кого я убила, но первая, кого я убила таким способом. Первый Волшебник, лицом к лицу, глиф против глифа. Моя первая настоящая дуэль против другого Волшебника, и я победила, оставшись без единой царапины. Я издаю дикий звук, что-то среднее между смехом и вздохом, и чувствую, как в груди разгорается чувство гордости. Видят Боги, я *действительно* победила.

Тут я слышу металлический щелчок позади себя. Это Дрелл. Он выбрался из кустов с кровоточащей царапиной на щеке. Он поднял арбалет Лиланда и целится им прямо в меня. Он не шутит.

– Она была Волшебницей, – говорит он, глядя на тело Алайны. Его голос тихий, ошеломленный, и я вижу, что арбалет едва заметно дрожит. – Она была Волшебницей. И ты убила ее.

– Да. Убила. Я спасла нам жизни. – Я изо всех сил стараюсь говорить спокойно и дружелюбно, даже когда мои глаза сосредоточены на острие арбалетного болта. – Расслабься, Дрелл. Опусть арбалет.

– И ты... ты тоже Волшебница, – говорит он. – Во что, черт возьми, ты меня втянула?

– Полегче, Дрелл, – говорю я, и, хотя я не хочу причинять ему боль, мои руки тянутся к локусам. – Послушай меня. Все это – часть плана. Мы позаботимся обо всем. Никто не узнает, что ты имел к этому какое-то отношение.

– Часть плана? – повторяет он. – И ты знала об этом с самого начала, да? Ты все это подстроила! – Тихое ошеломление исчезло. Остался только гнев и удивительно много боли. – Ты из *них*! Ревенант! Проклятый мятежник!

– Дрелл, прошу, – умоляю я, и я действительно не хочу причинять ему боль. Он не святой, но он порядочный человек, во всяком случае, для бандита. И это моя вина, что он вообще здесь оказался. – Опусть арбалет, и я все объясню. Мы оба можем избежать этого.

– Нет. – Его лицо хмурится. – Только не ты.

Он нажимает на спусковой крючок, и я попадаю в Пустоту.

Время здесь замедляется, но не останавливается. Я вижу звон тетивы в арбалете Дрелла, когда он стреляет. Вижу, как стрела вылетает из древка и летит на меня. Она движется очень медленно, как будто под водой, но все равно достигнет меня секунд через двадцать, в лучшем случае тридцать. Я взмахиваю ножами и высекаю наипростейший глиф: четыре насечки для основы Ветра, окруженные формой Круга для толчка. Он пульсирует слабым белым светом, достаточным для того, чтобы я могла видеть сквозь пепельную дымку и различить выражение чистейшей ненависти на лице Дрелла.

Я возвращаюсь в Реальность. Порыв ветра вырывается из меня, и раздается мощный концентрированный взрыв. Этого достаточно, чтобы остановить стрелу в воздухе и отправить ее в сторону с безвредным свистом. Этого достаточно, чтобы разорвать арбалет на части. И этого достаточно, чтобы сбить Дрелла с ног и швырнуть спиной об дерево, где его лысая голова ударяется о ствол с ужасно громким треском.

Черт.

Он лежит, привалившись к стволу дерева, его ноги подергиваются, серые глаза широко раскрыты, а губы дрожат. Длинная полоса крови бежит по стволу к его затылку, который треснул, как блюдо, по которому слишком сильно ударили. Он еще жив, но это ненадолго.

– Ох, Дрелл, – говорю я, подходя к нему. Его глаза метнулись на меня, практически выскакивая из головы, и я вижу, как он напрягается, чтобы заговорить, заставить свое тело работать, заставить губы двигаться. Он молит о пощаде? Или угрожает мне, оскорбляя и проклиная мое имя? Если бы его руки могли двигаться, обхватил ли бы он ими мое горло?

Полагаю, это не имеет значения. В любом случае он заслуживает лучшего. С усталым вздохом я присаживаюсь на корточки рядом с ним и соскальзываю в Пустоту, чтобы высечь последний глиф в виде круга для жизни с полумесяцем вокруг. Затем возвращаюсь в Реальность и дую, совсем чуть-чуть. Глиф растворяется в пыли, сверкающей зеленой пыли, которая ослепляет, как звезды, и мягко плывет по лицу Дрелла, омывая его и погружаясь в него.

Этот глиф используется для того, чтобы помочь детям заснуть, подарить момент безмятежности и спокойствия. Во время глубокого вдоха грудь Дрелла вздымается, а глаза закрываются. Голова падает набок, и он лежит, неподвижный, умиротворенный.

Легкая смерть – меньшее, что я могла бы сделать.

Глубоко сглотнув, я поднимаюсь на ноги и отворачиваюсь. Я не могу себе позволить грустить о нем, не могу позволить себе что-то чувствовать. Не сейчас, не тогда, когда я так близко. Я закрываю глаза, вдыхаю один, два, три раза и хороню это чувство глубоко внутри.

«Мы на войне, – сказала бы Шепот. – А во всех войнах есть жертвы».

Прямо сейчас. Возвращаюсь к миссии. Теперь, когда все мертвы, у меня немного больше времени, чем я планировала, но рано или поздно кто-нибудь еще проедет верхом по тропе. Я возвращаюсь к карете, к замороженному трупу Алайны. Это мой первый шанс по-настоящему хорошо ее рассмотреть, и я понимаю, почему она была выбрана мишенью Шепот. Мы определенно похожи. Моя кожа на тон темнее, чем у нее, легкий загар от моей матери-Изачи, а ее глаза светло-карие, тогда как мои – ярко-зеленые. Но у нас одинаковые худощавые черты лица, тот же острый подбородок, та же небольшая россыпь темных веснушек. Мы сошли бы за сестер. Могли бы сойти в любом случае.

Я переступаю через нее и наклоняюсь к дыре в боку кареты. Есть еще одна вещь, которая мне нужна, прежде чем я сожгу все это дотла. Чемодан Алайны лежит на мягком сиденье, где она сидела, и я открываю его. Там одежда... книги... несколько элегантных драгоценностей... и...

Вот оно. На самом дне. Хрустящий конверт, дорогой на вид, с элегантным почерком на лицевой стороне и светящейся восковой печатью. Печать, конечно, уже взломана, поэтому я открываю ее и вытаскиваю письмо. Вверху на бумаге изображен возвышающийся замок, обрамленный полной луной, с пятью символами вокруг него: корона, меч, перо, чаша и весы. Но мой взгляд направляется к тексту ниже.

Леди Алайна Девинтер!

Для меня большая честь пригласить Вас посетить Академию магии Блэкуотер на наш предстоящий осенний семестр 798 года. Вся униформа и материалы будут предоставлены, однако разрешается привезти свои локусы. Если Вы желаете поступить в этом семестре, встреча назначена на 9-е число осени в доках Лодердейла. Чтобы получить допуск на паром, Вам необходимо предоставить это письмо.

Ваша семья заслужила место в наших уважаемых залах, леди Девинтер, и я с нетерпением жду возможности с Вами познакомиться.

Искренне Ваши,

директор Магнус Абердин

У меня по-настоящему дрожат руки. Вот для чего все это было. Десять лет тренировок. Десять лет крови, пота и боли. Так много отнятых жизней. Так много брошено, так много потеряно, и все это ради этого момента.

Академия Блэкуотер – самая элитная школа магии в Республике. Любой Волшебник, который что-то собой представляет, учился в ее залах. Сенаторы, генералы и высшие священнослужители, мудрейшие ученые и самые могущественные лидеры, знать, которая превратила мир в такой чертов беспорядок. Академия Блэкуотер – истинное средоточие власти в Республике Маровии, а может, и во всем мире, где целые поколения формируются в мощную, негибаемую, бескомпромиссную аристократию. Академия Блэкуотер – это место, где становятся Волшебниками.

И я приду за каждым из них до последнего.

Глава 2

Прошлое

В семь лет был последний хороший день в моей жизни.

Я живу с семьей в Лароке, небольшом прибрежном городке на западном побережье Республики. Здесь пахнет рыбой, и в магазинах нет сливы, но мне нравится Ларок, по крайней мере, больше, чем последние несколько мест, где мы жили. Он лучше, чем Нью-Сейлем с его темными страшными трущобами, и Уошберн с его угрюмыми шахтерами и запахом серы. В Лароке у нас хорошая квартира на первом этаже на окраине города, достаточно близко расположенная к океану, чтобы чувствовать запах соли в воздухе, когда стоишь у окна. Она маленькая, но уютная, и у меня есть полка, полная резных животных. А сплю я на маленькой кровати в ногах кровати родителей. Это лучший дом, который у меня когда-либо был.

Даже в семь лет я знаю, что есть вещи, в которых мне не следует сомневаться. По всем стенам развешаны защитные чары, паутина красных нитей, украшенная разноцветными кристаллами. Работа отца, на которой он пропадает днями, работа чрезвычайной важности, о которой мне никто не рассказывает. Тяжелый деревянный сундук под кроватью, тот самый, со сдвигающимся замком, на который больно смотреть. А на моем предплечье метка, точно такая же, как у отца, метка, которую я должна вечно скрывать во что бы то ни стало.

В тот день, в тот последний хороший день я просыпаюсь чуть позже восхода солнца от запаха завтрака. Мама все еще спит, свернувшись калачиком на боку в постели, а младшая сестра Сера спит рядом с ней, храпя с широко открытым ртом. Но отец уже встал, стоит на кухне и раскладывает все мои любимые блюда на нашем маленьком круглом столике: деревянную миску с оливками, жестяную кружку молока и, что лучше всего, несколько булочек из пекарни ниже по улице, покрытых сахарной глазурью и начиненных яблоками. Я бегу за стол еще в ночной рубашке, и отец смеется при виде того, как я целиком запихиваю булочку в рот.

– Твои любимые, да, обезьянка? – говорит он, хватая кофейную чашку. Он уроженец южной Маровии, с бледной кожей, растрепанными рыжими волосами и небольшой россыпью веснушек на заостренном носу. Невысокого роста, как и я, на добрые полголовы ниже большинства мужчин, и носящий изящные золотые очки, которые мгновенно выдадут в нем ученого. – Я всегда любил с черникой.

– Яблочные лучшие, и все это знают, – отвечаю я, кроша повсюду кусочками булочки. Отец лишь улыбается и качает головой, поворачиваясь обратно к чайнику, стоящему на плите. Он ставит чашку и берет свои локусы, тонкие палочки из зеленого дерева с выгравированными прядями плюща, палочки, с которыми я хочу поиграть больше всего на свете. Я не вижу, как он вырезает глиф, потому что еще не умею соскальзывать в Пустоту, но вижу, как его руки неуловимо быстро порхают, а затем чайник свистит от мгновенного нагревания.

– Тебе *обязательно* идти сегодня? – спрашиваю я, заранее зная ответ. На нем костюм, тот, что с маленькой бабочкой и цепочкой от часов. Он надевает его только на работу.

– Обязательно. Долг зовет. – Он заканчивает варить кофе, затем подходит и садится на корточки рядом. – Но я обещаю, что буду дома к ужину. – Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб. – Веди себя хорошо. Повеселись.

Я невольно усмехаюсь:

– Я не могу сделать и то и другое.

Это наша маленькая шутка, и я понятия не имею, когда она появилась, просто мы говорим ее всякий раз, когда расстаемся.

– Пока, обезьянка, – говорит он и уходит с доброй и теплой улыбкой.

Мама просыпается через полчаса, спросонья протирая глаза. Она Изачи, одна из Рассеянных людей, с загорелой кожей, вьющимися черными волосами и глазами глубокого темно-карего цвета. Она идет босиком, потому что всегда так ходит, и пьет чашку кофе, которую оставил ей отец, так, как будто это нектар Богов. Она пытается двигаться тихо, но Сера все равно просыпается, резко выпрямляется в постели и мгновенно устремляет глаза на меня.

– Булочки? – спрашивает она. – Ты оставила мне булочку?

– Нет, – вру я в шутку, но, вместо того чтобы рассмеяться, она опускает голову, убитая горем. – Ну, то есть да! Конечно! Я пошутила! – Я бросаюсь к ней, протягивая последнюю.

– Несмешная шутка, – ворчит она, даже когда откусывает кусочек. Сера только исполнилось шесть, и если я похожа на маму, то она вся в отца. У нее его бледная кожа и веснушки, огромные голубые глаза и ученый нрав. Но что действительно бросается в глаза – это ее волосы. Они ярко-красные, как закат, и каскадом ниспадают по спине до самой талии прекрасными локонами, похожими на волны в океане. Каждый незнакомец, которого мы встречаем, говорит об этом, и я бы солгала, если бы сказала, что не завидую.

Но у меня есть кое-что, чего у нее нет. Метка на левом запястье, татуировка, светящаяся ярко-красным и золотым. Запястья Серы такие же чистые, как у мамы. Я лишь единожды спрашивала, почему у меня она есть, а у нее нет. В тот момент лицо отца помрачнело.

– Потому что ей повезло, – ответил он.

– Полагаю, *мне* ты не оставила булочку? – спрашивает мама, и моя виноватая гримаса в сахарной глазури – единственный ответ, который ей нужен.

Мы вдвоем одеваемся и отправляемся по делам. Мы идем на рыночную площадь, заполненную десятками стендов, залитую шумом кричащих продавцов. Запасаемся хлебом, фруктами и соленым мясом. Мама покупает для Серы книгу со стихами и маленькую деревянную лошадку для меня.

– Его зовут Боуншенкс, и я люблю его! – кричу я, к всеобщему изумлению и великому веселью мамы. Затем мы идем в библиотеку, небольшое здание с дюжиной книжек с картинками. Сера спокойно сидит и читает их, пока я бешено ношусь по проходам. Мы обедаем в районе Изачи, любимое мамино блюдо из говядины со специями, которое слегка обжигает язык, и проводим по меньшей мере полчаса, наблюдая, как жонглер бросает мячи, посохи и ножи. Это особенно впечатляет, потому что он обычный Смирный, никакой магии.

Поскольку мы вели себя хорошо, наш день заканчивается прогулкой по пляжу – моей самой любимой части Ларока. Я скачу по песку с Боуншенксом, гоняюсь за Серой в грохочущих волнах, зарываюсь по пояс и притворяюсь болотным гоблином. Мама просто сидит рядом, глядя в бесконечную синеву.

Такой я ее всегда буду помнить. Отдыхающей у кромки воды на хрупком сером песке, с легкой улыбкой на лице, в то время как я делаю колесо вокруг нее. Ее глаза полны доброты и любви, а в глубине – невыносимая ноющая печаль. Это она, навсегда.

Наш обратный путь ведет мимо доков, и это ошибка. Доки всегда неприятны, забиты сердитыми ворчащими матросами и воняют рыбой, но сегодня они особенно многолюдны. В порт зашел огромный корабль, гигантский галеон с большими развевающимися парусами и бронзовой русалкой на носу, поэтому в доках еще больше народу, чем обычно. Их так много, что я крепко держусь за мамину руку, пока мы пробираемся. Но это еще не все. Что-то витает в воздухе, что-то не так, ощущение злости и напряжения, запах разложения и пламени. Все хмурится, потеет, озирается. Метка на моей руке начинает гореть, и я крепко сжимаю рукав.

Мы продвигаемся вперед, на площадь у края причала, и я вижу, из-за чего весь этот переполох. Статуя Явелло, Бога Коммерции, возвышается над нами, глядя вниз на внутренний двор своими восемью блестящими глазами. Под ним на грязном булыжнике стоят трое мужчин, привязанные к столбам для порки, их руки скованы толстыми металлическими зажимами. Их подтянутые мускулистые спины обнажены. Смирные моряки. Вокруг них и другие

мужчины, мужчины, не выглядящие счастливыми. Городские стражники в кожаных доспехах сдерживают толпу с дубинками в руках, отталкивая любого, кто подходит слишком близко к краю площади. Перед ними на возвышении стоит грузный пожилой Волшебник в плохо сидящем черном костюме и дергает себя за воротник покрытой кольцами рукой. Но все взгляды устремлены на Инфорсера, молча стоящего за связанными мужчинами. Она одета в обтягивающую черную мантию, ее лицо скрыто за пустой серебряной маской, и в каждой руке по самому зловещему на вид локусу, которые я когда-либо видела. Скрюченные костяные палочки с зазубренными наконечниками и маленькими вырезанными черепами на рукоятках.

Мама крепко сжимает меня одной рукой, а Сера – другой.

– Нам не стоит здесь быть, – говорит она, отстраняясь, но идти некуда. Позади нас толпа, а впереди площадь. Так что все, что нам остается, это стоять и смотреть.

– Как заместитель председателя торговой компании Ларока, я нахожу этих людей виновными в лени, трусости и дезертирстве! – Ревет Волшебник на возвышении. Его голос груб и флегматичен. Пот струится по его заросшему щетиной лицу, хотя на улице прохладно. – Их мятежные действия в море не только потопили захваченное судно, но и стоили мне груза почти на четыре тысячи вальмарков! Четыре тысячи! За такую сумму я вполне мог бы приговорить вас всех к смерти!

Двое матросов стоят твердо, но третий, самый младший, начинает рыдать.

– Прошу вас, сэр, смилуйтесь, – умоляет он. – Это не наша вина! Мы должны были покинуть корабль, иначе нам пришлось бы пойти ко дну вместе с ним во время шторма! Прошу!

– Смилуйтесь. – Волшебник пережевывает это слово, как горькую траву. – Да, я полагаю, что каплю милосердия вам могу предоставить. И вы будете служить гораздо лучшим примером. – Он машет рукой Инфорсеру. – Дай им плеть.

Инфорсер поднимает два локуса, скрестив руки на груди, в то время как мужчины стискивают зубы.

– Закройте глаза, – шепчет мама. Сера слушает, а я нет. Я не могу. Я наблюдаю, как Инфорсер напрягает руки и делает вдох, а затем чувствую это, впервые в жизни, зов Пустоты, чувство, как будто меня тянет к этой женщине, к ее локусам. Как будто что-то в теле вытягивается через кожу, вырывается из меня, из реальности, куда-то еще. Мой желудок сжимается, все плывет перед глазами, и моя рука вспыхивает ужасной жгучей болью, как будто в ней тысячи игл, и они начинают прорываться.

Я издаю короткий крик, а мама крепко закрывает мое лицо рукой. Я не вижу всего, что происходит дальше сквозь щели между ее пальцами, но мне видно достаточно. Я вижу, как воздух потрескивает и колеблется позади мужчин, вижу, как завитки туманного зеленого света вырываются из концов этих костяных локусов, вижу, как спины мужчин разрываются, когда их поражают сотни невидимых крючковатых шипов. Я чувствую запах крови, слышу крики и чувствую этот пульсирующий болезненный скачок магии внутри меня, пытающийся вырваться на свободу, разрывающий меня изнутри, как ураган, и мое тело едва ли может сдержать это.

Позже, когда мы, взявшись за руки, идем обратно в квартиру, ко мне возвращается дар речи.

– Почему? – спрашиваю я маму. – Почему Волшебники сделали это с теми людьми?

Мама бросает на меня быстрый взгляд, и даже в свои семь лет я понимаю, что она действительно не хочет это обсуждать.

– Потому что законы Республики позволяют Волшебникам наказывать Смиранных так, как они считают нужным, – говорит она, стиснув зубы, тщательно подбирая каждое слово. В выражении ее лица, в ее глазах пляшет гнев, и он пугает меня.

– Но почему? – спрашивает Сера. – *Почему* они это делают?

– Потому что они обладают властью, – отвечает мама. – Потому что они контролируют правительство, торговые компании, школы и законы. Потому что в их крови заложена способ-

ность формировать мир, вызывать пламя и лед, приносить жизнь и смерть. Потому что они сильные, а мы слабые.

– Но... – спрашиваю я, прекрасно зная, что не должна. – Я же Волшеб... – и я так и не успеваю закончить вопрос, потому что она сжимает мою руку так сильно, что мне становится больно.

Отец ждал нас дома, и я подбегаю к нему, чтобы обнять так сильно, что он едва не падает. Пока мама на минутку уходит в себя, любуясь закатом с внутреннего дворика, отец садится со мной и Серой на кухне, чтобы заняться уроками. При мерцающем желтом свете свечи мы читаем историю о маленькой овечке, у которой не было друзей, и делаем несколько страниц арифметики. Сера занимается старательно, не пропуская ни одного упражнения, в то время как я дико ерзаю на месте и смотрю в окно. Но даже я включаю внимание позже, когда мы прижимаемся к отцу, пока он читает нам главу из *«Саги о Нафлейне»*, этой тяжелой книги с загнутыми уголками со всеми историями о принцах, ведьмах и созданиях глубин. Мне нравится слушать его чтение, такое терпеливое и спокойное, мне нравится, как он обнимает нас, прижимая к груди, и как он озвучивает глупыми голосами всех персонажей.

На ужин у нас простое тушеное мясо с хлебом и луком. Мы сидим у огня и говорим о прошедшем дне. Родители терпеливо кивают, пока я разглагольствую о том, что Боуншенкс – волшебный конь, который может летать сквозь время. Затем они укладывают нас, гасят свет и наклоняются, чтобы поцеловать меня в лоб, пока я засыпаю.

– Я люблю вас, девочки, – говорит отец. – Больше, чем вы можете себе представить.

Всю оставшуюся жизнь мне хотелось, чтобы в тот день я подольше не ложилась спать. Жаль, что у меня не было еще одного дня, еще одного часа, еще одной минуты. Еще одной истории от отца. Еще одного объятия от мамы. Даже если бы мы подрались, даже если бы им пришлось пригрозить, что на следующий день угощений не будет, даже если бы все закончилось тем, что я плакала бы и топала ножками.

Я проведу остаток своей жизни, желая отдать все, что угодно, чтобы просто провести с ними больше времени.

Но вместо этого я засыпаю и просыпаюсь только потому, что все кристаллы в нашей квартире звенят.

Я вскакиваю с постели. Середина ночи, но квартира ярко освещена, потому что все обереги отключаются, эти перекрещенные паутины дрожат и трепещут, кристаллы вспыхивают красным, зеленым и синим. Я все еще сонная, но знаю достаточно, чтобы испугаться, да так, чтобы броситься на кухню, где находятся родители, которые уже встали. Сера стоит прямо за мной, плача от страха.

– Что происходит? – кричу я, перекрывая шум. – Что случилось?

– Они нашли нас, – огрызается в ответ мама. Я не знаю, кто такие *они*, но понимаю, что это нехорошо. Отец взмахивает локусом в воздухе, и все кристаллы замолкают. Его лицо бледное, бледнее, чем обычно, а по лбу струится пот.

– Как, черт возьми, они нас нашли?

– Я не знаю, – говорит отец. Он берет один из кристаллов в руку, крепко его сжимает, и выражение его лица становится еще более серьезным. – Их четверо. Они уже близко. И *он* с ними.

– О, Боги, – шепчет мама, и мне страшнее, чем когда-либо в жизни. – Нам нужно бежать. Сейчас же.

– Бежать некуда, – отвечает отец, не в силах посмотреть ей в глаза. – Они следят за нами. Если мы сдвинемся с места, они нанесут удар. – Он делает долгий, глубокий вдох. – Мы у них в руках, Кейлин.

Родители обмениваются тяжелым взглядом, таким взглядом, который означает целый бессловесный разговор. Взгляд, которым ты принимаешь решение, которое даже не можешь

произнести. Затем мама кивает, бросаясь вперед, чтобы прибраться в комнате, в то время как отец присаживается на корточки рядом со мной и Серой.

– Послушайте, девочки, – говорит он, выдавливая из себя улыбку. – У нас небольшие неприятности, но все будет хорошо. Сюда приедут очень серьезные люди, и они хотят поговорить со мной и вашей мамой. Главное, чтобы они не знали, что вы здесь, хорошо?

– Нет! – плачу я. – Мне очень страшно, папочка...

– Я знаю, обезьянка, – говорит он, сжимая мои плечи; его глаза блестят за стеклами очков. – И мне очень жаль. Простите, что мы втянули вас в эту историю. Простите за мир, в который мы вас привели. Простите за все. Но прямо сейчас, если мы сохраним спокойствие, все будет хорошо.

Он наклоняется и зацепляет пальцами щель в половицах, приподнимая ее, открывая крошечное подполье под ней.

– Вы двое должны спрятаться там, хорошо? Сидите и не издавайте ни единого звука. Я просто скажу этим людям то, что они хотят услышать, а потом они уйдут, и мы вас достанем.

– Но... но... – заикается Сера, – я не понимаю.

– Я знаю, – отвечает он и обнимает нас так крепко, что почти незаметно, как он дрожит. – Когда-нибудь вы все поймете. Обещаю. – Он отходит, прочищает горло. – Теперь послушайте. Я думаю, все получится. Но если вдруг нет... если все пойдет плохо... если кристаллы начнут звенеть... Мне нужно, чтобы вы двое выползли обратно через этот маленький туннель и побежали так быстро, как только сможете. – Он достает сложенный листок бумаги и засовывает его в карман моих брюк. – Здесь написан адрес. Доберитесь туда. Попросите позвать Шепот и скажите, что вас послал Петир Челрази. Они поймут.

Мама смотрит в окно.

– Я вижу, как они приближаются. Нам нужно подготовиться. Сейчас же.

Отец смахивает со щеки слезу и берет себя в руки.

– Что бы ни случилось, девочки... Как бы все ни обернулось... Мне нужно, чтобы вы знали, что мы с мамой любим вас больше всего на свете. Что все это стоило того, все это стоило того времени, что мы провели вместе. Вы – самое лучшее, что когда-либо с нами случилось. – Он проводит рукой по моим волосам и наклоняется, чтобы поцеловать в последний раз. – Алка... тебе предстоит нелегкий путь. Сражайся за тех, кто в этом нуждается. Веди себя хорошо, моя обезьянка. *Веди себя хорошо*. И Сера, моя маленькая Сера... – Слезы текут по его щекам, так много, что остановить их уже невозможно. – Присматривай за сестрой. Будь сильной и храброй. Будь доброй. – Он наклоняется, мягко направляя нас в подполье. – А теперь прячьтесь.

Внизу пыльно, темно и, скорее всего, полно пауков, но я не говорю ни слова, потому что, хотя я ничего не понимаю, я чувствую, что все очень серьезно. Сера вползает первой, скользит к задней стенке, а я иду за ней. Я лежу на спине в этом темном маленьком туннеле, в котором едва хватает места для семилетнего тела, а отец наклоняется, чтобы поставить доску назад. Мне все еще что-то видно, кое-как, сквозь щели между досками, но этого достаточно, чтобы видеть кухню и маму с отцом. Он крепко обнимает ее, а она прижимается к нему. Они просто стоят, обнимаясь и глубоко дыша.

Раздается стук в дверь, чья-то рука стучит по дереву.

– Петир Челрази! Открывай! – кричит голос.

– Входите, – говорит отец. Его голос меняется. Он становится ниже, более взрослым и серьезным, менее искренним.

Дверь распахивается, и в квартиру входят четыре человека. Трое из них – Инфорсеры, облаченные в доспехи, лица которых скрыты за пустыми серебряными масками. Я узнаю в одной из них женщину из доков, обладательницу костяных локусов, а двое других – мужчины, один низкий и худощавый, а другой высокий и крепкий. Инфорсеры ступают на кухню, сотря-

сая половицы и пуская пыль мне в лицо, и на одно ужасное мгновение мне кажется, что я вот-вот чихну. Но я сдерживаюсь, слава Богам, даже когда родители отходят назад, а Инфорсеры встают по краям комнаты.

Третий человек явно главный. Он Волшебник, и, возможно, наиболее впечатляющий из всех, кого я когда-либо видела. На нем аккуратно подогнанный халат с плюшевой меховой отделкой, в свете свечей переливающейся черным и золотым. Его бледные пальцы украшают кольца с гигантскими драгоценными камнями, а на шее болтается ожерелье с золотой луной. Он Маровианец и выглядит примерно ровесником моего отца, с каштановой бородой, которая заостряется книзу, а выющиеся темные волосы спускаются по спине в аккуратную косу. Он входит с улыбкой на лице, хотя его серые глаза сверкают угрозой.

– Петир, – говорит он. – Сколько лет!

– Так и есть, старый друг. – Отец выдвигает стул. – Чему я обязан такой честью?

– Полагаю, ты отлично знаешь, почему я здесь, – говорит Волшебник, кивая в сторону Инфорсеров. – Передай свои локусы. Сейчас же.

Отец смотрит на мать и кивает. Она тянется к шкафчику и протягивает отцовские палочки из зеленого дерева. Женщина-Инфорсер выхватывает их у нее из рук и засовывает в набедренную сумку. Я по-прежнему не знаю, что происходит, не знаю, почему они здесь, но я надеюсь, что они не заберут локусы навсегда.

– Разумная предосторожность. Уверен, ты понимаешь, – говорит Волшебник.

– Конечно, – отвечает отец. – Могу я предложить вам чего-нибудь выпить? Может, чаю или вина?

– В данный момент нет. – Волшебник садится за стол напротив отца, сплетая свои длинные узкие пальцы. – Кажется, я не вижу здесь одного члена вашей семьи. Девочка семи лет?

Я? Он ищет меня? Почему? *Я-то* здесь при чем? И почему он не спрашивает о Сере? Но у меня нет времени даже подумать об этом, потому что отец немедленно лжет.

– Ее здесь нет. Мы отправили ее погостить к подруге, далеко отсюда.

– Правда? – говорит Волшебник. Черты его лица резкие, угловатые, как будто вырезанные из плиты холодного камня, а его голос источает презрение. – Значит, если я прикажу Инфорсерам обыскать дом, они ее не найдут?

– Боюсь, что нет, – говорит отец, затем наклоняется вперед и почти шепчет: – Послушай. Моя жена не имеет к этому никакого отношения. Тебе нужен я. Так почему бы мне не уйти сейчас с твоими Инфорсерами, и, если ты простопустишь Кейлин, я все тебе расскажу.

– Все, – повторяет Волшебник. – О чем конкретно?

– О Ревенантах, – говорит отец, и все Инфорсеры замирают. – Об их планах. Об их лидерах. Обо всем.

Впервые холодный фасад Волшебника, кажется, ломается.

– Значит, это правда. Ты действительно стал бунтовщиком.

– Боюсь, что так.

– Черт возьми, Петир, – рычит Волшебник. – Я надеялся, что это было просто личное. Что ты сбежал от своих обязанностей, чтобы быть с семьей. Что ты просто трусил. Но нет. Ты продал нас всех кучке Смиранных террористов. После всего, через что мы прошли вместе, всего, что мы построили, ты предал все, за что выступает Республика!

Когда в разговор вступает мой отец, его голос холоден, как лед.

– Все, через что мы прошли, – ложь. Все, что мы построили, – мерзость. Единственное, за что выступает Республика, – несправедливость и угнетение.

Ноздри Волшебника раздуваются, между бровями прорезаются глубокие морщины, и кажется, что он собирается нанести удар... Но затем его выражение лица резко меняется, и губы кривятся в жестокой улыбке.

– О, Петир, – говорит он, – ты почти одурачил меня. Но, похоже, ты что-то упустил.

Все вслед за ним глядят на пол, всего в нескольких дюймах от места, где я прячусь. Я вижу это одновременно с остальными, и мой желудок сжимается. Это Боуншенкс, мой деревянный конь. Мы забыли его спрятать.

Волшебник поднимается с места, методично шагая к лошади, ко мне.

– Если вашей дочери здесь нет... тогда что это? – говорит он, а мама с отцом обмениваются обеспокоенными взглядами, потому что стоит ему наклониться, чтобы поднять лошадь, как он посмотрит сквозь половицы и увидит меня. Я не знаю, что это будет значить, но уверена, что будет очень, очень плохо, и задаюсь вопросом, не должна ли я начать ползти, но не могу заставить свое тело двигаться. А позади меня Сера начинает плакать, и мое сердце колотится, и вот Волшебник прямо надо мной тянется вниз....

Но он так и не добирается до лошади, потому что мама хватает со столешницы нож и вонзает ему в поясницу.

В воздухе ощущается пульсация, гнетущий, мучительный рывок магии, и впервые в жизни я полностью соскальзываю в Пустоту. Комната, дом, город, все исчезает, погружая меня в этот серый, пепельный мир. Там, в затянувшейся оглушительной тишине, время движется ползком, и я вижу, как все начинают действовать. Инфорсеры поднимают локусы. Волшебник, раненый и воющий, достает свои. Мама отпрянула назад, потянувшись за новым ножом. А отец откидывается на спинку стула, поднимая руки, и два спрятанных локуса, два маленьких зазубренных лезвия, выскальзывают из его рукавов.

Воздух потрескивает и гудит, раскаты силы проносятся по комнате, загадочные геометрические решетки танцуют и сверкают. Мир замирает, дрожит и трясется. Глифы сражаются с контрглифами. Вспышки света прорезают тьму. Я чувствую запах земли и вкус крови, чувствую, как внутри меня нарастает ужас, вырываясь наружу во время последнего боя моих родителей.

Все закончилось меньше чем за секунду.

Я возвращаюсь в Реальность, дрожу, потею, задыхаюсь под половицами. Кухня надо мной превратилась в развалины. Стол перевернут, потолок обгорел, в стене пробита гигантская дыра. Обугленные листы бумаги, остатки любимых книг отца, порхают в воздухе, а слой сверкающего льда покрывает пол.

Двое Инфорсеров, женщина и крепкий мужчина, мертвы, их почерневшие тела тлеют в дальнем конце комнаты. Третий, низкий мужчина, выглядит не лучше: он лежит на улице, провалившись через дыру, и стонет от пронзившего грудь копья. Их лидер, Волшебник, еще жив. Но он лежит, склонившись, спиной ко мне, кашляя, задыхаясь и воя от боли.

А мои родители...

Мама уже мертва. Она лежит, прислонившись к дальней стенке, опустив голову, а на месте ее груди зияет дыра. Маленькая струйка крови стекает по ее губам, а руки бесполезно дергаются по бокам. Отец лежит рядом с ней, еще живой, но умирающий. У него нет правой руки, она оторвана, а лицо покрыто ледяной паутиной, как будто замороженное изнутри. Он рвано дышит, каждый следующий вдох короче предыдущего.

У меня щиплет глаза. Сердце бьется так сильно, что, кажется, вот-вот выскочит из груди. Мне хочется кричать, рыдать, выть, сражаться, но тело не слушается, поэтому я просто остаюсь там, задыхаясь под полом, парализованная, пойманная в ловушку. Этого не может быть. Не может. Не может, не может, не может.

Волшебник, тот, по чьей вине все это случилось, встает первым, хромая в сторону отца. Он опрокидывает его на спину и опускается на колени, надавливая коленом ему на грудь. Волосы Волшебника растрепаны, опалены, а правая половина лица – покрытое шрамами пузырящееся месиво. Его глаз полностью выжжен, а мамин нож по-прежнему торчит из его пояса. Но, несмотря на все это, он все еще каким-то образом идет, как будто по его венам течет чистейшая ненависть.

– Ты мелкий ублюдок, – шипит он, сплевывая кровь отцу в лицо. – Ты и правда думал, что сможешь так поступить со мной? *Со мной?* – Он рывком поднимает отца за воротник, их лица оказываются всего в нескольких дюймах друг от друга. – Послушай сюда, Петир, и слушай внимательно. Я найду твою дочь. Выслежу ее. И я позабочусь о том, чтобы она умерла самой медленной, самой мучительной смертью, которую ты только можешь представить. Я заставлю ее страдать, Петир. Очень сильно страдать.

У меня леденеет кровь, а дыхание замирает в горле. Я никогда в жизни не была так напугана. Но отец просто улыбается жесткой, надтреснутой улыбкой, которая отнимает у него последние оставшиеся граммы силы.

– Нет, ты этого не сделаешь, – говорит он Волшебнику. – Потому что ты уже мертв.

Затем он бросает взгляд на меня сверху вниз, чуть краем глаза, а я смотрю на него, настоящему, в последний раз. На своего отца, моего героя, мой мир.

– Беги, – произносит он губами.

И вот он появляется над ним, вспыхивая, как тлеющий уголек, пробуждающийся к жизни. Глиф, вырезанный на нашем потолке, достаточно большой, чтобы покрыть всю его поверхность, не замеченный никем до сих пор. Это сложно описать словами, полдюжины пересекающихся кругов, соединенных, как звенья цепи, змея, поедающая собственный хвост. Глиф исчезает... а затем вновь светится ярче и жарче, чем солнце.

Чистый инстинкт берет верх. Я все еще не понимаю, что произошло, едва начинаю осознавать это, но мое тело знает, что нужно следовать приказу отца. Я хватаю Серу за руку и тяну вперед. Мы вдвоем забираемся под половицы, как пара мышей, пробираясь через узкий грязный туннель, и я слышу, как колокола звонят все громче и громче, слышу, как Волшебник кричит в ужасе, слышу, как стены вибрируют и жужжат от шума собирающейся магии. Мы с Серой выскакиваем через небольшое отверстие под стеной дома на темную, тесную улицу, и вот я бегу, таща за собой Серу, у меня болит в боку, глаза горят, все мое тело подвижно не чем иным, как отчаянной потребностью убраться подальше от этого дома.

Я не вижу, как он взрывается. Мне этого и не нужно. Я слышу оглушительный взрыв, громче самого громкого раската грома, чувствую, как обжигающая волна жара проходит сквозь меня, чувствую, как земля содрогается под ногами. На одно мгновение ночь становится светлой, как день, когда столб клубящегося, воющего пламени высотой в пятнадцать этажей взмывает в небо. Стекло разбивается вдребезги. Кирпичи трещат. Город воет голосами сотен людей, вопящих от страха.

Я не останавливаюсь. Я не могу. Я должна продолжать двигаться, хотя мои ножки уже пылают, хотя я босая и почти уверена, что наступила на какое-то стекло, хотя я понятия не имею, куда направляюсь. Я должна продолжать бежать, потому что, если остановлюсь хотя бы на секунду, то, что только что произошло, окажется реальностью, а этого не может быть. Этого не может быть. Так что я бегу дальше, по переулкам и улицам, мимо шумных таверн и ночных базаров. Семилетняя девочка в крови, в опаленной одежде и с дикими глазами. Семилетняя девочка, внезапно ставшая ответственной за свою сестру. Семилетняя девочка, мир которой только что перевернулся.

Мы выбегаем из города. Улицы заканчиваются, и мы попадаем на пляж. Тот самый пляж, на котором мы сидели всего несколько часов назад. Я бегу к краю берега и падаю на мокрый песок, уставившись на это бескрайнее пространство холодной, неведомой тьмы. Сера сидит рядом со мной и, застыв, молчит. Она не говорит, не плачет, не двигается. Как потушенная свеча.

А я – огонь, бушующий жарче солнца. Я выплескиваю эмоции наружу, издавая воющий яростный крик, полный злости, отчаяния, потерянности и страха одновременно. Крик, который длится до тех пор, пока не пропадает голос и не разрывается горло. Это крик ярости и

отчаяния, крик, который убил бы всех в этом городе, если бы мог, крик, который я никогда не забуду.

В тот день я тоже умираю вместе со своими родителями. Девочки, которой я была, той, что играла с маленькой лошадкой, чувствовала себя в безопасности и под защитой, думала, что худшее, что может случиться, – это что отец задержится на работе, ее больше нет, она сгорела вместе с тем домом.

Все, что от меня осталось, – крик.

Глава 3

Настоящее

Паром в Академию Блэкуотер отправляется в полночь, но я не хочу опаздывать, поэтому добираюсь туда на закате, а это значит, что мне придется стоять в одиночестве в доках Лодердейла добрых три часа, прежде чем кто-то вообще прибудет. Лодердейл – приятнее большинства городов, в которых мне довелось побывать. Это небольшое скопление элегантных поместий и высококлассных рынков на южном побережье. От нахождения в таких приятных местах мне становится не по себе; деньги и магия всегда идут рука об руку. И мне действительно не хочется привлекать внимание, стоя в одиночестве под фонарем в жарком платье. Ничего мне не хочется так, как вскарабкаться на крышу и разведать обстановку, притаиться в тени с локусами в руках, в готовности нанести удар. Но вместо этого я должна ждать здесь. У всех на виду. Как дурочка.

К одиннадцати начинают подтягиваться остальные. Они медленно стекаются в доки, сначала поодиночке, а затем толпами, оставшаяся часть будущих абитуриентов Академии Блэкуотер. Они выглядят достаточно безобидно – подростки, одетые в строгие костюмы и сверкающие платья. Я различаю представителей всей Республики: южане с бледной кожей и рыжевато-каштановыми волосами, северяне Велкшены с ледяными голубыми глазами, высокие долговязые Ситхарцы с черными волосами, заплетенными в косы из бисера, пара островитян Киндрали с бритыми наголо головами, увешанные золотыми украшениями, сверкающими на их черной коже. Некоторые студенты идут в одиночку, застенчивые и нервные. Другие общаются, прогуливаясь по пирсу, явно уже знакомые друг с другом. Глядя на них, вы никогда бы не догадались, что всего через десять лет они станут одними из самых могущественных людей в мире. Глядя на них, вы никогда не поймете, насколько они все опасны.

Убийцы. Тираны. Монстры, многие из них.

Я чувствую внезапный укол неуверенности. Это моя последняя возможность повернуть назад, мой последний шанс убежать, прежде чем забраться в логово льва. Это точка невозврата.

Хотела бы я, чтобы Сера была здесь. Хотела бы я сделать это вместе. Боги, как бы я хотела, чтобы она была со мной.

Но нет. Я сама по себе, и я зашла так далеко не просто так. Поэтому, глубоко вздохнув, я беру себя в руки и иду прямо в шеренгу врагов.

Я мгновенно сливаюсь с ними, проскальзывая прямо вглубь. И неудивительно, ведь на то, чтобы принарядиться, ушла большая часть недели, не говоря уже о последних монетах. Я покрасила волосы в более темный черный, пошла в один из тех дорогих салонов, где тебе чистят ногти, и купила длинное красивое платье, из тех, какие носят богатые девушки-Волшебницы, с кружевной отделкой, маленькими нефритовыми застежками и вышитыми вдоль рукавов цветами. Не то чтобы мне оно не нравится. Оно мне нравится, особенно то, как оно шелестит, когда я кружусь, и то, как точно желтый свет фонарей передает фиолетовую ткань. Но что-то неправильное есть в том, чтобы так наряжаться на самую важную миссию в моей жизни. Я чувствую себя в ловушке.

Толпа пробирается вдоль пирса, и я теряюсь в суматохе их болтовни, смеха и предвкушения. Обычно моя осанка сгорбленная, скрытая, старающаяся не привлекать к себе внимания, но здесь я пытаюсь ходить как они: с высоко поднятой головой, длинными уверенными шагами, продвигаясь вперед, как будто мне принадлежит весь мир. Толпа спешит, ничего не подозревая, и подходит к массивному парому, стоящему на якоре в конце причала. Это самый красивый корабль, который я видела в своей жизни. Достаточно большой, чтобы вместить несколько сотен человек, со свежим слоем ярко-красной краски и двумя огромными гидро-

турбинами, вращающимися по бокам. В центре каждой турбины находится стеклянный шар, а в этом шаре вращается столб танцующего огня, закупоренная буря пламени. Десятки и десятки глифов украшают шар, светящийся серебряным, красным и переливчато-фиолетовым, генерируя тепло и удерживая его внутри.

Я не могу не таращиться на него, и я такая не одна. Конечно, я и раньше слышала о кораблях с волшебными двигателями, но никогда не думала, что увижу их вживую. Это самые изысканные и дорогие артефакты в Республике, требующие тысяч часов труда от самых могущественных Волшебников. И они используют его для нашей переправки в кампус. Я знаю, что посещение Блэкуотера – огромная честь, но мне все еще трудно это осознать.

Мы поднимаемся на борт один за другим, и во время подъема я вижу крепкого лысого мужчину на краю трапа, по бокам которого стоят пара Инфорсеров, проверяющих документы каждого студента, прежде чем их впустить. Мужчина одет в помятый черный плащ, свисающий, как саван, а на его бородатом лице кажется навсегда запечатлелась хмурая гримаса. Процесс выглядит достаточно простым, нужно всего лишь передать приглашение, но я не могу не беспокоиться: что, если я что-то упускаю, что-то, о чем Шепот не знала, вроде секретного пароля или особого подмигивания? Но уже ничего не поделаешь, тем более когда какой-то студент вжимается в мою спину, так что я тяжело сглатываю и достаю бумагу, которую взяла из кареты Алайны.

Мужчина опускает взгляд на письмо, внимательно читает и смотрит прямо на меня. У него глубокие морщины на лбу, пятнистый шрам вдоль щеки, а черные глаза-бусинки надменно сужены.

– Алайна из Дома Девинтер? – спрашивает он, слегка заплетаясь в словах.

– Да. Все верно, – отвечаю я. Правильно ли я сказала? Так ли ответила бы Алайна?

Он переворачивает письмо, прищуриваясь, как будто ищет признаки подделки.

– Не вижу здесь твоей семьи, – ворчит он, и взгляды Инфорсеров направляются в мою сторону. Моя рука медленно опускается вниз, к спрятанным под платьем ножнам, которые пристегивают мои локусы к бедрам. Я не знаю, что произойдет дальше, но, клянусь Богами, я не уйду без боя.

Но мужчина не нападает, а Инфорсеры не пытаются меня арестовать.

– Дай взглянуть на Божью метку, – говорит он вместо этого.

Конечно. Божья метка – самая ценная валюта Сената, главный источник власти, линия, разделяющая мир надвое. После рождения ребенка родители могут подать прошение в Сенат о праве на то, чтобы ребенку была дана Божья метка, чтобы он стал Волшебником. Если оба родителя Волшебники, просьба обычно удовлетворяется; если Волшебник в семье только один, то это зависит от ее положения в Сенате. Дети Смиранных родителей обычно даже не рассматриваются, за исключением случаев, когда кто-то из них отличился на службе Республике. Это высшая награда, великий стимул для Смиранных. Верно служи нам, говорят Волшебники, и ты сможешь стать одним из нас.

В детстве я всегда задавалась вопросом, почему у меня метка есть, а у Серы нет. Я думала, может быть, я какая-то особенная, больше в отца, избранная. Теперь я знаю, что я была совсем ни при чем. Когда я родилась, отец еще был любимчиком Сената. Лишь год спустя он стал беглецом.

Но сейчас это не имеет значения. Что важно, так это попасть на паром. Поэтому я закатываю рукав и выставляю левое предплечье. Вот она светится, прямо над моим запястьем, татуировка Божьей крови, которая дарует мне магию: два бриллианта, пульсирующие нежно-голубым, со змеевидной полосой, проходящей через их сердцевины. Метка Волшебника.

Лысый мужчина, прищурившись, смотрит на нее, затем кивает.

– Что ж, все в порядке, Алайна Девинтер. Похоже, ты все-таки попадешь на борт.

– Я первая, отмеченная по своей линии, – объясняю я, хотя зачем я это говорю? – Первый Девинтер, который стал Волшебником.

– Ха! – смеется он. – Ты еще не Волшебница, мисси. Не раньше, чем закончишь школу. А, глядя на тебя, я бы держал карман шире. – Он сует письмо обратно мне в руки и дергает головой вверх по трапу. – Ну так проходи. У нас нет времени, чтобы всю ночь тут глазеть.

Несколько студентов вокруг хихикают, и я вежливо улыбаюсь мужчине, как будто мне понравилась шутка, хотя на самом деле сгораю от ярости. Я знаю, что на самом деле я *не* Алайна Девинтер, но я также знаю, что мне не нравится, когда надо мной смеются, особенно какой-то пьяный старый Волшебник, исполняющий обязанности паромщика. И мои локусы издали бы глубоко удовлетворяющий хруст, если бы я вправила их ему в череп.

В другой раз. Я продолжаю дружелюбно улыбаться и прохожу мимо него, поднимаюсь по трапу на палубу корабля. Это действительно впечатляющее судно. На сцене играет оркестр, а на длинном буфете стоят подносы с солеными устрицами и кубиками сыра. Остальные студенты слоняются вокруг, облокотившись на перила и сидя на скамейках, беззаботно болтая. Я знаю, что только что преодолела главное препятствие, и мне стоит расслабиться, но моя шея все еще напряжена, сердце колотится, а волосы на руках стоят дыбом. Я провела последние десять лет в страхе перед Волшебниками, убегая от них, укрываясь в тени, пока они выслеживали меня. Как же мне расслабиться, когда я *окружена* ими?

Я иду по палубе к самому дальнему месту, которое могу найти, к пустому участку перил на носу корабля, откуда открывается вид на бескрайнее пространство залитого звездным светом океана. Ночной ветерок обдувает меня, я закрываю глаза и хватаюсь за перила, наслаждаясь его прохладой на коже, тем, как он пробегает по волосам, словно лаская их. Где-то позади меня лысый мужчина кричит: «Все на борт!» – а остальные студенты хлопают и радуются.

Раздается глухой стон, когда массивные водяные колеса оживают, рассекая воду, как гигантские плуги, когда они выталкивают лодку из доков, в открытое море, в ночь.

Где-то там нас ждет Академия Блэкуотер.

– Ты и правда первая по линии, кто получил метку? – спрашивает женский голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу, что она сидит на платформе в нескольких футах от меня. Это другая студентка, с бледной кожей и узкими черными глазами.

– Да, – осторожно отвечаю я. Кто она, черт возьми, такая и что ей нужно? Она что, проверяет меня?

– Вот это да, – говорит она. У нее в руке полная ладонь орехов, и она небрежно кладет один в рот. В ней есть что-то странное, неряшливость, которая выделяет ее среди сверстников. Черные короткие волосы чуть ниже ушей подстрижены по-мальчишески. На ней строгий костюм с коротким красным галстуком, черные перчатки и пара высоких кожаных ботинок. Она красива, так красива, что не слишком старается понравиться. – Я думала, что Сенат прекратил раздавать метки новым линиям еще в поколении наших родителей.

Ох, она определенно проверяет меня. Хорошо, что я знаю историю Алайны лучше, чем свою собственную.

– Они все еще делают исключения для тех, кто отличился на службе Республике, – уверенно отвечаю я. – Мой отец – награжденный генерал, который помог подавить восстание Ситхарцев. Сенат позволил мне получить метку в награду за его доблесть.

– Вот оно что. Так мило с их стороны. – Девушка доедает орешки, спрыгивает с платформы и приближается ко мне. – А мой отец только и делал, что разрушал семейный бизнес. – Она протягивает руку. – Филмонела Поттс. Но ты можешь звать меня Фил.

Я осторожно опускаю взгляд. Я все еще не уверена, что за игра здесь ведется и в чем она заключается. Но меньше всего мне сейчас хочется устраивать сцену и привлекать к себе внимание, поэтому я протягиваю руку в ответ и крепко ее пожимаю.

– Алайна Девинтер, – говорю я.

– Алайна Девинтер... – повторяет она, как будто пробуя это имя на вкус. – Откуда ты родом?

– Нью-Кеншир. Это остров у побережья Ситхара.

Девушка – Фил – издает тихий свист.

– Ты *далековато* от дома, я погляжу? Насколько? Месяц пути?

– Два, – отвечаю я, отступая от сценария, который держала в голове. – Корабли Волшебников не ходят в Нью-Кеншир, поэтому нам приходится добираться по старинке.

– Два месяца пути от дома. – Фил склоняет голову набок, изучая меня так, как необычный экземпляр. – Выходит, ты никого здесь не знаешь?

– Ни души, – отвечаю я, и это первая правда, которую я сказала. – А что в этом такого? Ты многих знаешь?

– Ну конечно. – Фил прислоняется спиной к перилам, глядя на шумную толпу студентов на палубе. – Большинство из нас выросли вместе в Арбормонте. Мы ходили в одни и те же школы, общались в одних и тех же кругах, напивались на одних и тех же вечеринках... – Она устало вздыхает. – Я, наверное, могла бы назвать три четверти присутствующих здесь людей.

Я киваю, беря это на заметку. Арбормонт – столица Республики, шумный процветающий город в нескольких днях езды к югу от Лодердейла. Это резиденция самых богатых семей Республики, дом Верховного Храма и Сената. Изучая все это, я узнала, что многие студенты Блэкуотера были из элиты Республики, но если из Арбормонта целых три четверти, значит, все еще более тесно связано, чем я ожидала. И это не отвечает на самый насущный вопрос, который у меня есть.

– Если ты знаешь всех остальных, – спрашиваю я Фил, – почему общаешься со мной?

– Может, мне просто нравится знакомиться с новыми людьми, – говорит она, но на секунду на ее лице мелькает странное выражение, нотка уязвимости под ее уверенным фасадом.

Она лжет, но почему? Пытается разыграть меня? Я на это не куплюсь. Я отворачиваюсь, вновь обращая взгляд в сторону моря.

– Я прекрасно справлюсь сама, спасибо.

Я слышу, как Фил вздыхает, а затем прислоняется к перилам рядом со мной.

– Послушай, – говорит она, – буду с тобой честна. Судя по тому, что мне рассказали о Блэкуотере родители, нас ждут два года самой жестокой конкуренции в жизни. Нас будут проверять, наказывать, мы будем грызть друг друга глотки. И, перед тем как я уехала, мои родители усадили меня за стол и сказали, что первое, что мне нужно будет сделать, – это завести союзников, потому что, черт возьми, я ни за что не справлюсь одна. Итак... поэтому я здесь. Обзавожусь союзником.

– Почему я?

– Потому что ты выглядишь умной, способной и самостоятельной, – говорит Фил, и ее глаза устремляются вниз. – Ну и... потому, что никто другой не *захотел* бы быть моим союзником.

Либо она говорит честно, либо отличная актриса, но в любом случае противиться этому я не собираюсь.

– Так, значит, твои родители учились в Блэкуотере?

– Верно. И их родители, и их родители, и так далее, вплоть до первого поколения. Раньше мы были довольно важной семьей. Даже крыло библиотеки назвали в нашу честь. – Она поднимает голову, глядя в ясное небо. – Поттсы когда-то были одной из Великих Семей Маровии. А теперь мы просто жалкие. – Тут она видит, что кто-то идет, и ее лицо мрачнеет. – К слову о Великих Семьях... Смотри, кто пожаловал.

Я оборачиваюсь. Трое студентов идут к нам через палубу. Это крепкий парень с наполовину расстегнутой рубашкой и крошками в пушистой бороде и высокая девушка с волосами цвета воронова крыла и умными зелеными глазами. Но именно мальчик, ведущий их за собой, притягивает мой взгляд, отчасти потому, что он смотрит прямо на меня. Знаете людей, которые просто *выглядят* дорого? Этот парень из таких. Его кожа идеально загорелая, такой загар получаешь, когда целыми днями нежишься под южным солнцем. Его аккуратные каштановые волосы элегантно ниспадают на плечи. Глаза ослепительно-голубые, зубы сверкают белизной, а посередине подбородка виднеется внушительная ямочка. Его одежда выглядит дороже, чем моя жизнь: богато украшенный костюм с драгоценными камнями вместо пуговиц и золотой застежкой для часов, блестящие бриллиантовые серьги-гвоздики в ушах, самые наполированные кожаные ботинки, которые я когда-либо видела.

Но что действительно привлекло мое внимание – это его локусы. У всех остальных они спрятаны в сумках (или, в моем случае, на бедре). Насколько я знаю, доставать локусы еще не разрешено. Но его, тем не менее, выставлены на всеобщее обозрение, висят на бедрах в коричневых кожаных кобурах с торчащими рукоятками. Я никогда даже не видела таких, как у него: длинные тонкие палочки, сделанные из материала, который я не могу определить, глубокого черного цвета, который отливает синим и золотым, как танцующее пламя, с золотыми оленьими головами, вырезанными на рукоятках.

– Филмонела Поттс! – Он с самодовольным видом и широкой улыбкой направляется к нам. – Сколько лет! Мы не виделись с тех пор, как... – Он щелкает пальцами, пытаясь вспомнить. – Гала-концерт в честь Дня основателей? В поместье моего отца?

– О нет, меня... Меня там не было, – говорит Фил, и в этот момент она как будто мгновенно становится другим человеком, кем-то гораздо более маленьким, застенчивым. – Не то чтобы мне не хотелось. Я просто никогда не... ну... не получала приглашения...

– Ох. Должно быть, это была оплошность, – изящно говорит парень. Его улыбка теплая, а глаза дружелюбные, но в нем есть что-то странное, что-то, что я не могу точно определить, что-то, что заставляет меня серьезно нервничать. – Я позабочусь о том, чтобы в следующий раз тебя пригласили.

– Ага, – фыркает крепкий парень с мшистой бородой. – Нам ведь нужен кто-то, чтобы разливать напитки, правда?

– Очень смешно, Дин. – Фил заставляет себя улыбнуться, даже когда ее взгляд опускается на пол. Я знаю эту улыбку, улыбку, когда ты притворяешься, что тебе нравится шутка, даже когда шутят над тобой. Ненавижу эту улыбку. – К тому же в Блэкуотере мы будем отмечать все праздники вместе.

– Верно. Я слышал, что Гала-концерт в честь Дня основателей просто потрясающий, – улыбается красивый парень, глядя в ночь с каким-то искренним заразительным оптимизмом. – Наконец-то мы попали сюда. В Блэкуотер. Лучшие годы нашей жизни. – Затем он поворачивается, и его глаза перебегают с Фил на меня, и я чувствую, как они блуждают по мне, как нежеланная ласка, сверкая ярко-голубым, пока он меня оценивает. – Ох. Кажется, не имел чести с тобой познакомиться?

– Она новоотмеченная, – говорит девушка с волосами цвета воронова крыла. Голос ровный, бесстрастный, как будто ей безумно скучно. – Алайна Девинтер.

Неужели она подслушивала, когда я поднималась на борт? Или слухи обо мне каким-то образом распространились? Я неловко прижимаюсь спиной к перилам.

– Да. Это так.

– Где, черт возьми, Дом Девинтер? – ворчит бородатый парень, но красавчик обрывает его резко поднятой рукой, жестом, который заставляет его мгновенно замолчать.

– Ты дочь генерала Грейсона Девинтера, – говорит он, делая шаг ближе ко мне. От него пахнет дорогими духами, цветами и корицей, запахом одновременно пьянящим и подавляю-

щим. – Мой отец высоко отзывался о нем. Мы все благодарим его за службу. – Он уважительно кивает, а я выдавливаю из себя почтительную улыбку, хотя внутри у меня все переворачивается при мысли о том, что такому мяснику, как Девинтер, оказана честь. – Послушай. Я знаю, что быть новичком может быть довольно трудно. Если хочешь, я могу показать тебе корабль...

– Спасибо, – говорю я, и все в этом взаимодействии тревожит, выводит из равновесия, как будто я стою на трескающемся льду. Я не знаю, кто этот парень, не знаю, каковы его намерения, не знаю, почему он водит дружбу с таким грубияном, как его бородатый друг. Я знаю, что его губы улыбаются, но глаза – нет. И решаю не рисковать. – Но мне хорошо и здесь с Фил.

В этот момент что-то меняется. Это неуловимо, но все равно чувствуется: то, как Фил втягивает воздух, то, как вспыхивают ноздри бородатого парня, то, как девушка с волосами цвета воронова крыла впервые смотрит заинтересованно. Улыбка красивого парня не исчезает. Но что-то мелькает в его глазах, намек на удивление. Он не из тех, кто привык слышать слово «нет». – Правда?

– Мариус, – говорит высокая девушка, и ее голос звучит почти весело. – Она не знает, кто ты.

– А должна? – спрашиваю я.

Я не хотела быть резкой, по крайней мере не *настолько* резкой. Но теперь края улыбки Мариуса подергиваются, и я вижу, как он напрягается, чтобы удержать ее, как внутри него клокочет гнев, тихая угроза, уязвленная гордость. Он протягивает руку, похлопывая меня по плечу слегка сильнее, чем нужно.

– Тогда ладно, – говорит он. – Конечно. Делай, как считаешь лучше для себя. Уверен, ты сделаешь правильный выбор. – Затем он поворачивается к остальным, указывая на другой конец корабля. – Пойдемте. Посмотрим, что там творится под палубой.

Они втроем уходят, а бородатый парень бросает на меня особенно яростный взгляд через плечо. Я поворачиваюсь к Фил, и она смотрит на меня с широко открытым ртом.

– Ты не обязана была этого делать, – шепчет она.

– Нет, но мне захотелось. – Я пожимаю плечами. – Мне не понравилось, как он говорил. Он не вызывал доверия.

– Да, но это был... Ну то есть... он... – моргает Фил. – Подожди-ка. Ты действительно не знаешь, кто это был?

– А должна?

Фил смотрит на меня так, будто я только что сказала, что никогда не слышала о луне.

– Ох. Ладно. Вау. Итак, бородатый мальчик – это Дин Вейл, сын Доротеи Вейл. Слышала... о торговой компании «Вейл»? Самой богатой купеческой семье в Республике?

– Слышала, – говорю я пренебрежительно, хотя почти уверена, что купила свою одежду в одном из их магазинов.

– Высокая девушка, которая выглядит смертельно скучающей? Это Виктория Абердин – племянница директора школы. – Голос Фил становится низким, заговорщицким. – Ходят слухи, что она гений и уже превосходная Волшебница. Надеюсь, мы не окажемся в *ее* классе.

– А тот модник, с палочками с золотыми рукоятками? – спрашиваю я. – Кто он такой?

– Тот, кого ты только что оскорбила? Это Мариус Мэдисон, – отвечает Фил.

– Ну то есть... сын Декарда Мэдисона. Грандмастера Сената. Самого могущественного человека во всей Республике.

Она, должно быть, видит, как меняется выражение моего лица, потому что кивает. – Ты ведь *знаешь* Грандмастера Мэдисона, верно?

О, еще бы его не знать. Грандмастер Мэдисон, глава правительства, Волшебник на вершине пищевой цепочки Волшебников. Человек, который написал «Акт о порабощении Смирренных», человек, приказавший совершить набеги на Ларок и Хеллсум, архитектор Трудовых лагерей для диссидентов и Чистки Ситхара. Человек, чьи руки пропитаны таким количеством

крови, что в ней можно было бы утопить целый океан. От одного звука его имени у меня горят уши и колотится сердце. Грандмастер Мэдисон – величайший враг народа Республики, всего мира...

И его сын прямо здесь. *Прямо здесь*. Уходит от меня, повернувшись спиной, ни о чем не подозревая, без какой-либо охраны. Я могла бы убить его прямо сейчас. Я могла бы достать свои локусы и послать ледяное копье ему в сердце, отрубить голову кнудом из шипов, послать порыв силы, который швырнул бы его на мачту. Это было бы так легко сделать. Так легко. И так приятно.

Но я не могу. Я должна играть в долгую игру. Должна помнить о миссии. Поэтому я заставляю себя отвернуться, позволить Мариусу Мэдисону уйти, посмотреть на бесконечно темный океан. «Соберись, Алка, – говорю я себе. – Подумай о миссии».

– С тобой все хорошо? – спрашивает Фил.

– Я в порядке, – говорю я в надежде, что она не видит, как крепко я вцепилась в перила. – Просто... поскорее хочу попасть туда.

Фил достает из кармана костюма маленькие часики и проверяет их.

– Ну, ждать тебе осталось недолго. Мы почти на месте.

Я моргаю, потому что не вижу впереди ничего, кроме океана. Мне мало известно о Блэкуотере, но я знаю, что он находится на острове.

– Где?

– Ты и правда ничего не знаешь, да? – Фил ухмыляется, облокотившись на перила рядом со мной. – Смотри внимательно. Тебе понравится.

Порыв ветра разгоняет судно, гигантские водяные колеса вращаются быстрее, пламя в цилиндрах двигателей разгорается и трещит. Массивный рог впереди издает низкий, жалобный вой, а затем... мир словно колеблется и тает. Океан передо мной мерцает, как нефтяное пятно на озере, рябит и искажается. Все вокруг деформируется, воздух, вода, небо, колыхаясь, как картина, нарисованная на боку пузыря. Я понимаю, что это иллюзия по-настоящему огромного масштаба, и у меня достаточно времени, чтобы вздохнуть, прежде чем она исчезнет целиком, сгорая, как гобелен, охваченный пламенем.

И вот он уже передо мной, там, где секунду назад был только пустой океан. Целый остров по меньшей мере в пятнадцать миль длиной, который был скрыт за массивным иллюзорным заклиниванием. Я вижу темные пляжи, каменистые утесы и нагромождение зловещих отвесных скал. А в центре, подобно лезвию, вонзенному в землю, покоится пятиэтажное поместье, самое большое из всех, что я когда-либо видела, освещенное сотнями и сотнями разноцветных фонарей. Стены сделаны из прохладного гладкого камня, остроконечные крыши украшены изогнутыми шпилями и нависающими горгульями. Я вижу витражи и элегантные балконы, позолоченные навесы и мраморные колонны. По бокам от них расположены десятки зданий поменьше, целый кампус: общежития, библиотеки и круглая церковь с пятью шпилями.

Это ужасает. Это внушает трепет. И, как бы мне ни было неприятно это признавать, это прекрасно.

Позади меня на корабле студенты издают радостные возгласы и аплодируют. С гулким грохотом из-за поместья вылетает фейерверк и взрывается над нами, ослепляя голубыми цветами и копьями танцующего пламени, и в довершение всего – мерцающим зеленым драконом, кричащим в небе. Рядом со мной улыбается Фил, ее лицо светится, а в глазах стоят слезы. Полагаю, я могу ее понять. Для этих Волшебников попадание в Блэкуотер – это момент, к которому они шли всю жизнь. Но все, о чем я могу думать, – поместье, такое огромное и древнее, скрытое в темноте. Что ждет меня там? Во что я вляпалась?

Фил, должно быть, чувствует мое напряжение, потому что улыбка исчезает с ее лица. Остальные студенты все еще празднуют, хлопают и танцуют, поднимают бокалы и смеются.

Мариуса нигде не видно, по крайней мере, сейчас, и никто, кажется, даже не замечает нас двоих в конце палубы, оглядывающихся назад, погруженных в свои мысли.

– Забавно, – тихо говорит Фил. – Сейчас все так счастливы. Но в следующий раз, когда мы все вернемся на это судно, через два года, направляясь обратно на материк... только две трети из нас будут здесь.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, в каждом набранном классе триста студентов, но только двести или около того заканчивают школу.

Я склоняю голову набок.

– Их отчисляют?

– Да, – отвечает Фил, пожимая плечами, – или они умирают.

Глава 4

Прошлое

В тринадцать лет я наконец узнаю свое предназначение.

Компания Ревенантов, в которой я состою, обитает в Хеллсуме. Ну, в полях за его пределами. Шепот нашла для нас заброшенное поместье, кирпичные стены которого сгнили и заросли виноградом. Поля вокруг давно не паханы, вероятно, со времен засухи 723 года. Кто бы здесь ни жил, его давно нет, что делает это место идеальным убежищем для группы мятежников в бегах.

Остальные заняли комнаты в главном особняке, но мне досталось небольшое крыло покоев Смиренных. Здесь тихо и уединенно. Никто меня не побеспокоит, не поднявшись сначала по шаткой лестнице. Я сижу там одна, лениво вырезая свое имя на дереве одним из своих ножей, когда слышу постукивание трости Шепот в коридоре.

– Алка, – говорит она с другой стороны двери, – нам нужно поговорить.

Дверь со скрипом открывается, и в комнату входит Шепот. Это маровианская женщина лет пятидесяти с лишним, у нее седеющие прямые волосы до плеч, а лицо румяное после долгой прогулки ко мне. Ее голубые глаза встречаются с моими, и я опускаю взгляд с мгновенным дискомфортом. Даже когда я злюсь на нее, она не может не вызывать у меня уважения. Во многом это связано с ее внешним видом: высокая, угловатая женщина в потрепанной солдатской форме, со шпагой у бедра, тростью из черного дерева в руке и выражением лица, которое варьируется от сурового до мрачного.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я. Никто из повстанцев не осмелился бы так с ней разговаривать, но, опять же, больше никого из повстанцев она не воспитывала как дочь. Больше нет.

– Пришло время нам поговорить. – Она проходит в комнату, чтобы облокотиться на стул. – Тебе пора узнать правду.

– О чем?

– О тебе. Твоей цели. Твоей судьбе. – Она поворачивает стул и садится. – Скажи мне, Алка, что делает Волшебника Волшебником?

Еще один из ее философских вопросов. Сера всегда любила их, споря с ней часами. Я знаю, что ей нужен более глубокий ответ, но я не в настроении.

– Божья метка.

– И все?

«Да», – думаю я, но не говорю. В конце концов, именно Божья метка – то, что отделяет Смиренных от Волшебников. Никто не знает, как они сделаны или что они собой представляют на самом деле; Павел сказал мне, что это держат в секрете даже от большинства Волшебников. Как только Сенат дарует ребенку метку, родители приносят его в Высокий Храм в Арбормонте в возрасте не старше шести месяцев. Верховный жрец забирает ребенка, и происходит какой-то ритуал, а когда он заканчивается, на ребенке уже стоит Божья метка. Говорят, что во время ритуала сами Пятеро Богов спускаются и благословляют ребенка, помечая его своей кровью, даруя доступ в их царство, к их глифам, к их силе.

Еще говорят, что треть младенцев, получивших метку, умирают в течение недели. По моему, звучит не очень благословенно.

Шепот резко откашливается.

– Божья метка делает тебя Волшебником, да. Но еще образование. Скажи мне, Алка, что ты знаешь об Академии Блэкуотер?

– Блэкуотер? – Я напрягаю память. – Это какая-то большая модная академия, где все богатые дети-Волшебники учатся магии, верно? И это ужасно секретно, и туда трудно добраться, и никто не знает, что там происходит?

– Да. Все верно, – кивает она. – Блэкуотер – один из важнейших бастионов власти в Республике. Это хранилище знаний, секретов, магии. А прежде всего – инкубатор власти.

– Не понимаю.

– Есть и другие школы магии, – объясняет она. – Но они предназначены для меньших Домов, для обычных Волшебников, для выпуска наших городских Инфорсеров или замученных бюрократов. Волшебники, имеющие вес, Волшебники, занимающие важные должности, сенаторы, представители духовенства и торговцы, элита? Все они едут в Блэкуотер. И это место до сих пор было совершенно закрыто для нас. – Она делает паузу, и я чувствую, как у меня сводит желудок от напряжения. – Алка Челрази... Нам нужно, чтобы ты проникла в Блэкуотер.

У меня пересыхает во рту, и в комнате внезапно становится очень холодно.

– Зачем?

На лице Шепот мелькает раздражение, как будто это должно быть очевидно.

– Ты будешь шпионом в самом сердце империи. Узнаешь их секреты. Станешь частью элиты. Пройдешь через их ряды незамеченной. Ты узнаешь *все*. – Редко можно увидеть ее улыбку, но сейчас она улыбается. – И, когда закончишь, можешь сжечь это место дотла.

Я качаю головой:

– Не знаю...

– Подумай об этом с другой стороны, – говорит она, и по тому, как она наклоняется вперед, я понимаю, что начинаются уговоры. – Ты выйдешь оттуда такой же искусной Волшебницей, как любой Волшебник в Республике.

Я резко вдыхаю. Последние три года я была разочарована в своей магии, ограничиваясь базовыми глифами, которым Павел смог меня научить, я застряла на уровне новичка. Потеряла часы, дни, недели, месяцы, пытаюсь достичь большего, и терпела неудачу, возвращаясь из Пустоты с ноющими руками, покрытой волдырями кожей и слезами на глазах.

Я бросаю взгляд на свои ножи. Глифы. Настоящие глифы. Продвинутые глифы.

Такой же искусной, как любой Волшебник в Республике.

– Как мне попасть туда? – наконец спрашиваю я.

– Есть девушка на год старше тебя, Алайна Девинтер из Нью-Кеншира. Ее одарили меткой при рождении в качестве награды отцу, первую в роду. Через три года ее пригласят в Блэкуотер, – говорит она. – Ты перехватишь ее по дороге, убьешь ее и притворишься ей. Ее пригласительного письма и твоей метки должно быть достаточно, чтобы поступить в школу. Никто там не встречал Алайну и не узнает, что ты не она. Нью-Кеншир находится за полмира отсюда, а она никогда даже ногой не ступала на этот континент. Каждый в Блэкуотере будет считать тебя... ты *будешь* Алайной Девинтер.

– Разве ее родители не будут приезжать навестить ее?

– Ее отец – старик со слабым здоровьем. Его разум и память затуманены. А мать исключили из уравнения. – Что-то темное и пугающее пляшет в глазах Шепот. – Таким образом, Алайна Девинтер сама по себе.

– И все же... – говорю я. – Это звучит слишком просто...

– Это потому, что ты не видела, сколько лет работы ушло на все это, – коротко говорит она. – Этот план разрабатывался десятилетие, Алка. Десятки наших лучших оперативников отдали все... даже свои жизни... чтобы привести его в действие. Все, через что ты прошла, все, что перенесла, было ради этого. – Она наклоняется вперед и кладет руку поверх моей, и я немного отстраняюсь оттого, насколько редка ласка с ее стороны. – Только ты одна можешь это сделать.

Она уходит, дверь со скрипом мягко закрывается, оставляя меня наедине с бременем, которое она только что возложила на мои плечи. Она знает, что я скажу «да». Я должна. Неважно, насколько я зла, неважно, насколько испугана, неважно, насколько сильно я хочу просто свернуться в клубок и никогда не вставать, я должна это сделать. Ради Серы.

Я беру ножи, верчу их в руках, держу с новым чувством ощущения цели.

– Алайна Девинтер, – шепчу я, произнося ее имя в первый из миллионов раз, пробуя его, словно на вкус, позволяя ему стекать по языку. – Ты моя.

Глава 5

Настоящее

Паром высаживает нас на южном конце острова, на длинном деревянном причале, торчащем, как язык. Мой мозг трещит все сильнее с каждым шагом, когда я всматриваюсь в детали, пытаюсь сохранить все в памяти. Доки длиной около сорока футов ведут к каменистому пляжу. Никакой видимой защиты. И никакого прикрытия тоже. Достаточно места, чтобы посадить корабль, полный Ревенантов, но после высадки спрятаться негде. Я знаю, что забегаю вперед, что мне следует сосредоточиться на том, чтобы просто влиться, не раскрыв себя, но ничего не могу с собой поделать. Планировать вторжение легко. Вписаться в компанию... Вот что самое трудное.

– Вот мы и добрались до Блэкуотера, – говорит Фил, пока мы ступаем на причал. – И нам удалось стать врагами для всего лишь трех сильнейших учеников нашего класса.

Я не могу сдержать улыбки:

– Это только начало.

Доки уступают место длинной, ветреной дороге, ведущей вверх по холму к этому возвышающемуся особняку. Вблизи он выглядит еще более впечатляющим, чем с судна. Он размером с замок и вдвойне роскошный. Его полированная каменная поверхность сияет в лунном свете. Вдоль дороги, ведущей к нему, расставлены фонарные столбы, и каждый из них горит своим цветом: мерцающим малиновым, океанским синим, пылающим белым и даже темным обсидиановым пламенем, которое бросается в глаза своей неправильностью. Я слышу, как откуда-то играет музыка, зажигательное исполнение национального гимна Маровии, и когда ветер дует сквозь окружающие нас деревья, их листья вздыхают и искрятся. Это всегда так? Неужели они так и живут?

Я делаю шаг вперед, в сторону дороги, и тут я вижу их. Десятки молодых мужчин и женщин, ожидающие в конце доков. У них разные черты лица: маровианские, велкшенские, ситхарские и киндралийские, но все они носят одинаковую бежевую униформу и смотрят на нас с выражением одновременно выжидания и опасения.

Слуги.

Смиренные.

Я втягиваю воздух сквозь зубы. Ну разумеется, у них здесь полный штат Смиренных. Такие богатые Волшебники не могут и в уборную сходить без слуги, который вытрет им задницу. Даже здесь, в месте, источающем магию каждым кирпичом и камнем, у них по-прежнему есть Смиренные, которые делают всю грязную работу. Зачем утруждать себя попытками использовать магию, когда вы можете просто пустить в ход чье-то тело? Зачем беспокоиться о том, чтобы делать что-то самому, когда вы можете заставить кого-то другого сделать это за вас?

Мое зрение застилает красная пелена. Я поворачиваюсь к Фил, но она лишь улыбается при виде этого зрелища.

– Наконец-то хоть какая-то помощь. Я так устала делать все самой.

Я снова улыбаюсь, но на этот раз натянуто. Это суровое напоминание. Фил может быть дружелюбной, но, в конце концов, она все еще одна из *них*.

Одна из Смиренных замечает меня, ее взгляд загорается в ответ на мой. Симпатичная девушка, высокая и стройная, с бледной кожей и черными как смоль волосами, собранными в аккуратный пучок. Она медленно приближается ко мне, ее янтарные глаза поднимаются, чтобы встретиться с моими, а затем опускаются, выражение ее лица настороженное, трудночитаемое. Длинный горизонтальный шрам пересекает ее челюсть по всей длине. В ней есть что-то стран-

ное, что-то, что я не могу определить, как когда пытаешься вспомнить слово, вылетевшее из головы.

– Добро пожаловать в Блэкуотер, миледи, – говорит она. Ее голос низкий и хриплый, не совсем такой, как я ожидала. – Могу я взять вашу сумку?

– Я могу понести ее сама, – говорю я, прежде чем успеваю передумать.

Она неуверенно замолкает.

– Не понимаю, – говорит она. Ее глаза встречаются с моими, настороженные и любопытные. – Я чем-то огорчила вас? Может быть, вы бы предпочли другого слугу?

– Нет, – отвечаю я. – Дело не в этом... дело в том... я...

Фил скептически приподнимает бровь в мою сторону.

– Разве у вас в Нью-Кеншире нет Смиренных?

– Нет, есть, я просто... – Я делаю глубокий вдох и беру себя в руки. Миссия – вот что имеет значение. Не мои чувства, не то, что правильно. Моя миссия в том, чтобы быть Алайной. А что сделала бы Алайна?

Слова Серы эхом отдают в моих ушах, как всегда. «Найди правду за ложью».

– Я просто была немного шокирована. Я не была готова к такому великолепному зрелищу. – Я протягиваю сумку вперед прямо в руки Смиренной. Она надевает ее на спину, слегка напрягаясь. – Веди нас.

– Конечно, миледи, – говорит девушка, и мы идем вперед, вверх по мощеной дороге в сторону особняка.

Там, на судне, ночной воздух был прохладным, но здесь я чувствую мягкое тепло, исходящее от всех этих волшебных фонарей, как будто сижу у потрескивающего огня. Фил отстаёт, болтая с каким-то тощим рыжеволосым парнем, который ее окликнул, поэтому я иду в ногу со Смиренной девушкой.

– Куда мы направляемся? – спрашиваю я ее.

– В большой зал. Для поступившего класса был организован Приветственный банкет, – говорит она. – Не волнуйтесь. Я прослежу, чтобы ваша сумка оказалась в вашей комнате.

– Спасибо. Буду очень признательна. – Я оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. – Кстати, как тебя зовут?

Она выгибает бровь:

– Обычно мы не говорим свои имена.

– Ну, я из Нью-Кеншира, где мы все делаем по-другому, – говорю я, потому что, может, я и могу заставить себя отдавать ей приказы, но меньшее, что я ей должна сделать, – это узнать ее имя. – Я хотела бы знать, кто несет мою сумку.

Она делает паузу, и всего на мгновение, клянусь, я вижу, как ее губы изгибаются в легчайшем намеке на улыбку.

– Марлена.

– Ну, что ж. Я признательна за твою службу, Марлена. Я позову тебя, если мне понадобится что-нибудь еще.

Она кивает:

– Это будет честью для меня.

Тропинка вьется вверх по холму, через высокую березовую рощу. Статуи легендарных Волшебников смотрят на нас из тени пустыми глазами. Темные щебечущие птицы окликают нас с ветвей. Я могу получше разглядеть особняк и здания вокруг него. Их архитектура разнообразна. Некоторые сделаны из свежего кирпича, другие из древнего камня.

– Вы тоже живете в общежитиях? – спрашиваю я Марлену.

– О нет. – Она качает головой, как будто эта идея немыслима. – На восточном побережье острова, за лесом, есть небольшая деревня. Все слуги остаются там.

– Деревня? – переспрашиваю я. – Это обязательно?

Марлена пожимает плечами, что впечатляет, учитывая, что на одном из них висит моя сумка.

– Работать на Волшебников Блэкуотера – невероятная честь, и это несет большую ответственность. Мы все посвятили жизнь защите тайны этого священного места.

Боги. Целая деревня людей, живущих и умирающих на этой скале, только чтобы самым богатым Волшебникам в мире не приходилось самим таскать сумки. Я освобожу их, решаю я. Позабочусь, чтобы они выбрались отсюда. Особенно Марлена.

Остаток пути я иду в тишине на вершину холма, через богато украшенные железные ворота с выгравированной на вершине надписью «АКАДЕМИЯ БЛЭКУОТЕР». Главный особняк стоит передо мной, все пять этажей его элегантности. Огромные мраморные колонны обрамляют резные двери из черного дерева в прихожей. Богато украшенная черепица сверкает на колоссальной куполообразной крыше. Клянусь, на мгновение голова горгульи поворачивается.

Марлена отходит, идет рядом с другими Смиренными, чтобы донести наши сумки до скопления зданий поменьше, общежитий. Я держусь с другими Волшебниками, когда мы проходим через открытые двери внутрь особняка. Это самое красивое здание, в котором я когда-либо была. Гладкие мраморные полы отражают свет факелов, как поверхность спокойного озера, золотые филиграны украшают сводчатые потолки, а стены оформлены высокими книжными полками и масляными картинами в элегантных рамках.

Я решаю не запоминать планировку этого места, по крайней мере, сегодня. Здесь слишком много дверей, слишком много залов, слишком много лестниц. Это похоже на лабиринт, в который меня поймали, как крысу. Но я иду за остальными, поворачиваю за угол, поднимаюсь на короткий пролет, прежде чем пройти через еще один ряд широких дверей в самый элегантный банкетный зал, который когда-либо видела.

Это огромное помещение с высоким куполообразным потолком, украшенным замысловатой фреской с изображением пяти Верховных Богов. Десятки гладких деревянных столов стоят под ними аккуратными рядами, и студенты начинают занимать места на лавочках. В центре каждого стола стоит вращающийся подсвечник, его свет отражается от столового серебра и фарфоровых тарелок. Глифы пульсируют в стеклянных шарах, установленных вдоль стен, некоторые знакомые, другие загадочные и непостижимые.

Но именно еда действительно привлекает мое внимание, не говоря уже о моем нюхе. Ее так много, и она такая удивительная. Тарелки с пышными булочками с маслом. Подносы со жгучими перцами, фаршированными говяжьим фаршем. Шашлык с жареным луком из приправленных помидоров и острой курицы по-ситхарски. Наполненные доверху миски со спелыми грушами, свежими ягодами и сочными дынями. А в центре – башня из кремовых глазированных пирожных ростом выше меня.

У меня текут слюнки, желудок сводит, а глаза на секунду загораются, потому что именно эта комната, эта еда доводят противоречивые эмоции, бурлящие во мне, до кипения. Здесь больше еды, чем я видела за всю жизнь, вместе взятой. Я хочу съесть все, буквально все, и хочу есть *с удовольствием*, потому что а как иначе? Я хочу этого так сильно, что это действительно причиняет боль. Но в то же время настолько же сильно, может быть, даже больше, мне хочется закричать при виде всего этого, схватить один из вращающихся подсвечников и сжечь все это место дотла.

Было время в моей жизни, когда все, что мне доводилось есть, – это черствый хлеб и ломкое сушеное мясо, вареную картошку и, может, если повезет, пару кусочков сыра. В лесах Гальфори я целый год питалась только тушеным мясом кролика. А однажды не ела три дня. *Три дня*. И вот, у них столько еды лишь на одном этом банкете, достаточно, чтобы накормить столько голодных ртов, наполнить столько желудков, а они просто выставляют все это напоказ. Пойдут ли остатки в деревню для прислуги, к Марлене? Или их просто выбросят?

Нет. Я откладываю эти мысли прочь, на дальнюю полку. Не сегодня. Я могу позлиться завтра и послезавтра. Этим вечером мне просто нужно вписаться.

Я присоединяюсь к Фил за одним из столиков ближе к задней части зала. Все остальные едят спокойно, терпеливо, в размеренном темпе. Мимо проходит Смиренный мальчик, предлагая вино. Я смотрю на Фил, чтобы убедиться, что это приемлемо, но она уже осушила свой бокал, так что принимаю это за «да» и беру один себе.

Вино мгновенно ударяет в голову, мягко согревая грудь, и на секунду я расслабляюсь достаточно, чтобы по-настоящему оглядеть комнату. Она шумная и яркая, наполненная болтовней трехсот студентов. Одни кричат, другие смеются, а некоторые чокаются бокалами во время заливчатских тостов. Я запрокидываю голову и впервые замечаю, что там есть целый второй этаж, длинный балкон вдоль дальней стены комнаты. Там сидят несколько десятков взрослых Волшебников, мужчин и женщин в элегантных одеждах, строгих и ученых. Профессора, я полагаю.

Фил хлопает меня по плечу, заставляя опустить взгляд.

– Эй, – говорит она, ее щеки немного покраснели. – Взгляни-ка на него.

Я следую за ее взглядом к самому дальнему столу в конце зала. Там сидит молодой человек, совершенно один, скрестив руки на груди, и ничего не ест. Его кожа насыщенного черного цвета, самая темная из всех, что я когда-либо видела, а волосы спускаются по спине длинными тонкими косами. Он на добрую голову выше большинства парней в комнате, и на нем рубашка такого фасона, какого я никогда не встречала, струящаяся черная туника, связанная вместе несколькими застежками посередине. Она обрезана по плечи, и именно его руки привлекают внимание: худые, сильные, покрытые замысловатыми линиями и изгибами, пульсирующие оранжевым, как мерцающая свеча.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Принц Талин из королевства Ксинтари, – отвечает Фил. – До меня дошли слухи, что он будет в нашем классе, но я по-настоящему не верила в это...

Я моргаю. Я даже никогда не встречала кого-то из Ксинтари, не говоря уже о принце.

– Что он здесь делает?

– Это было частью той крупной торговой сделки, которую подписал Грандмастер Мэдисон, – объясняет Фил. – Культурный обмен. Некоторые из наших лучших и умнейших отправились погостить в их королевской семье, а они послали сюда его. – Она делает паузу, отправляя в рот спелую красную ягоду. – Не сказала бы, что он очень рад этому.

Она не ошибается. Талин сидит, откинувшись на спинку стула, его темно-карие глаза осматривают комнату со смесью любопытства и скуки. Я знаю этот взгляд. Такой взгляд был бы у меня, если бы мне не приходилось притворяться одной из них. На одно-единственное мгновение его глаза находят мои, бровь чуть приподнимается с интригой, и я отвожу взгляд.

– Итак, – говорит Фил, растягивая слово по крайней мере на четыре слога, – ты больше по мальчикам или по девочкам?

На самом деле я не знаю предпочтений Алайны, поэтому решаю просто честно ответить за себя.

– По тем, и другим. В равной степени.

– Хм. Я в основном по мальчикам, – отвечает Фил. – Ты должна признать, что принц просто неотразим.

Не знаю, в вине дело или в разговоре, но я чувствую, как мои щеки краснеют. У меня не было большого опыта в романтических отношениях. На это особо нет времени, когда сражаешься бок о бок с самыми разыскиваемыми беглецами Республики. Я целовалась только с двумя людьми: Диной, кокетливой дочерью хозяина гостиницы, приютившего нас, и Гренном, тощим новобранцем с копной густых волос, который присоединился к нам в Денерос-Пойнт и согревал меня всю ночь во время ужасной метели. Бедняга Гренн.

– Здесь много подобного? – спрашиваю я Фил. – Ну то есть, ухаживаний. Романтики. Она пристально смотрит на меня.

– Мы – триста подростков, запертых на острове в течение двух лет с неограниченным количеством вина. Ты и правда спрашиваешь, встречаются ли здесь люди?

– Справедливо, – отвечаю я, допивая остатки своего бокала.

– Отчасти поэтому родители были рады моему отъезду. «Может быть, ты встретишь кого-нибудь, – сказали они, – кого-нибудь милого и богатого, из приличной семьи». – Фил закатывает глаза. – Как будто это лучшее, на что они могут надеяться.

Я собираюсь что-то сказать, когда меня прерывает звук дюжины играющих рогов, и в комнате становится тихо.

– Поприветствуйте директора Абердина! – доносится голос из профессорского ряда. Мы встаем, поворачиваясь к небольшой платформе в передней части комнаты. Дверь распаивается, и выходит директор, улыбаясь и махая рукой. Все студенты вокруг меня аплодируют, их лица сияют и полны энтузиазма. Я слышала о репутации Магнуса и о том, как Волшебники заискивают перед ним: любимый директор, блестящий Волшебник, советник Сената, прославленный по всей Республике своей добротой и мудростью.

Потом я вижу его.

Дыхание замирает в горле.

Он немного постарел за прошедшие десять лет. Его заостренная борода и выющиеся волосы теперь тускло-седые. Живот еще больше выпирает на фоне богато украшенного сверкающего одеяния. Кожаная повязка закрывает то место, где должен был быть правый глаз. Но я все равно узнаю его.

Магнус Абердин, директор школы Блэкуотер – это человек, убивший моих родителей.

Глава 6

Настоящее

В тот момент я не могу думать. У меня нет выбора. Тело само движется, погруженное в транс под воздействием всю жизнь накапливающегося гнева. Я встаю с места, игнорирую испуганную Фил и иду вперед, сквозь банкетный зал, минуя один стол за другим, в сторону подиума. К человеку, стоящему там. Человеку, которого я собираюсь убить.

Мир вокруг – глухой рев. Прошлое, будущее, мой план, моя цель – все превратилось в красную пульсацию. Теперь мне плевать на то, чтобы быть Алайной Девинтер. Мне плевать на Шепот и Ревенантов. Мне плевать, доживу ли я до завтра.

Он жив. Волшебник, который убил моих родителей. Человек, который отнял у меня все, тот, кто направил меня на этот путь. Ублюдок, убийца, чудовище. Я не знаю, как, но он жив, и он прямо здесь, всего в половине комнаты от меня, тепло улыбается, купаясь в аплодисментах, ни о чем не думая.

Он умрет. Сейчас.

Сердце колотится о ребра. Кровь бурлит по венам. Руки скользят к столу и хватают зазубренный нож. Я не собираюсь применять к нему магию. Нет, это было бы слишком быстро, слишком легко. Я хочу вонзить лезвие прямо в его грудь и смотреть, как он истекает кровью. Я хочу смотреть ему в глаза, когда он умирает, и прошептать ему на ухо свое имя.

Уже в двадцати пяти футах. Двадцати. Пятнадцати. Я делаю шаг за шагом, приближаясь все ближе. Никто меня не замечает. Все взгляды устремлены вперед, на него, убийцу. Я больше не человек, не сейчас. Я – стрела, выпущенная из лука десять лет назад, несущаяся к своей неизбежной цели. Я умру здесь, я знаю это. Но я умру с чувством удовлетворения.

Директор Магнус Абердин до сих пор не заметил меня. Он повернулся в сторону, к балкону с другими профессорами, подняв руку, сияя в лучах их подхалимства. Его глаза мерцают, борода изогнулась в теплой улыбке. Он понятия не имеет о тени, которая надвигается на него, которая вот-вот его прикончит, вот-вот утопит эту улыбку в потоке крови.

Десять футов. Вот и все. Я переворачиваю нож в руке, удерживая его острие. У меня перехватывает дыхание. Голова Магнуса поворачивается ко мне, совсем чуть-чуть, его серые глаза наконец видят меня, слегка расширяясь в подозрении. Я заносу руку и...

Кто-то со всей силы налетает на меня сбоку, и я падаю на пол банкетного зала. Запястье ударяется о мрамор, а нож выскальзывает из руки, залетая под стол. В комнате воцаряется тишина, все головы поворачиваются в нашу сторону. Что-то холодное, мокрое и красное льется на меня, впитываясь в платье. Кровь? Нет. Вино. Я инстинктивно отскакиваю назад и вижу налетевшего на меня человека, в ужасе смотрящего на меня. Янтарные глаза. Черные как смоль волосы. Смиренная служанка, Марлена.

– Мне так жаль, миледи! – говорит она, лихорадочно вытирая мое платье тканью. – Я... Я просто подавала вино... Я не заметила, как вы подошли... – Меня как будто разбудили ото сна, как будто вытащили из морских глубин назад на поверхность. Мир мгновенно возвращается: запахи праздника, танцы огней наверху и голоса, так много голосов, болтающих, шепчущих, смеющихся. Я чувствую пронизывающий жар тысячи глаз, когда каждый в комнате смотрит на меня, и та уверенность, которую я чувствовала всего секунду назад, превращается в холодный ужас. Я разоблачена. Поймана. Уязвима.

Но все внимание сосредоточено не на мне.

– Девчонка! – рывкает директор Абердин. – Смотри, куда идешь! Ты только что испортила платье этой юной леди!

– Простите меня, господин директор! – в ужасе умоляет Марлена. – Это больше не повторится. Обещаю.

Я не знаю, что делать. Все происходит слишком быстро. Нож по-прежнему лежит там, всего в нескольких футах от меня. Я могла бы схватить его и довести дело до конца, подскочить и вонзить его в грудь директора. Даже когда все смотрят, они не смогли бы остановить меня вовремя. Но я не могу отвести взгляд от Марлены, от ужаса в ее глазах, от того, как дрожат ее руки, когда касаются моего платья, того, как ее тонкая ключица поднимается и опускается с каждым вздохом. Теперь она тоже часть этого. Если я нанесу удар, все решат, что она была в этом замешана, чтобы отвлечь внимание. Ее будут пытаться убить. Возможно, и всю ее семью тоже. И это будет моя вина.

Я не могу на это пойти.

– Смотритель Тимс, – рычит директор, и угрюмый бородатый мужчина с паром, тот, кто потребовал показать мою метку, выходит вперед. – Будьте добры, проследите, чтобы эта Смирненная была должным образом наказана. Десять ударов плетью.

Мужчина, Смотритель Тимс, ухмыляется кривозубой улыбкой.

– С удовольствием, – говорит он, шагая вперед, чтобы рывком поднять тяжело дышащую Марлену на ноги.

Нет. Так не пойдет. Я поднимаюсь с места.

– Прошу прощения, директор, но это моя вина, а не ее, – говорю я и слышу странный шепот, пробегающий по комнате. – Я была неосторожна. Это я столкнулась с ней. Пощадите девушку.

Директор Абердин смотрит на меня, видя меня, по-настоящему видя в первый раз. Его серые глаза-бусинки встречаются с моими, внимательно меня изучают. Мог ли он каким-то образом меня узнать?

Нет. Он отводит взгляд и скушаяще пожимает плечами.

– Хорошо. Пять ударов плетью, – говорит он. – Теперь можем продолжить банкет? – Он широко, приветливо улыбается, и комната снова без усилий принадлежит ему. – Полагаю, мне нужно произнести вдохновляющую речь!

Все смеются оглушительным ревом. Я едва могу дышать. Даже когда толпа поворачивается к Абердину, когда он начинает свою большую приветственную речь, я по-прежнему чувствую на себе взгляды: Фил, покрасневшей от смущения за меня; Марлены, благодарной, даже когда Тимс утаскивает ее прочь. А за столом прямо рядом со мной сам Мариус Мэдисон, стреляющий в меня улыбкой, в которой читается «Я-же-говорил».

Я не знаю, что делать. Но знаю, что больше не могу здесь оставаться, с этими людьми, в такой обстановке. Нет, если я хочу сохранить миссию. Если я хочу сохранить себя.

Я бросаюсь прочь между столами к паре стеклянных дверей в западном конце зала. Я протискиваюсь сквозь них и выхожу на балкон, представляющий собой изогнутый выступ с богато украшенными перилами и видом на леса к востоку от школы. Холодный ночной воздух оmyвает меня, как ливень, я вдыхаю и, кажется, впервые дышу с того момента, как увидела лицо Абердина.

Он жив. Как? Как это возможно? Он был в доме, когда сработали обереги отца. Он умирал, крича, сторя, я знаю это, *я знаю это...*

И все же вот он, живет всех живых.

Получается, он как-то защитился. И выбрался оттуда. Все это время он был жив и в целостности и сохранности находился в этих стенах, становясь все сильнее. Пока мы с Серой голодали, истекали кровью и сражались, пока наши родители лежали в земле, он *был жив*, пил лучшие вина, ел на банкетах, произносил воодушевляющие речи, купаясь в похвале и восхищении. Когда я потеряла все, *все*, что у меня было, он был жив!

Мне хочется кричать, плакать, с корнем сорвать перила и швырнуть их на деревья вниз. Я хочу вырывать кирпичи из стен, потопить этот остров в море, поджечь весь мир. Я хочу...

– Перебрала с выпивкой? – спрашивает голос позади.

Я поворачиваюсь. Там стоит, прислонившись спиной к дверному косяку и согнув колени, тот парень из банкетного зала, принц. Он держит в своей широкой ладони маленькую чашу, с удивлением наблюдая за мной. Меньше всего мне сейчас хочется разговаривать с незнакомцем, но я и так уже вызвала достаточно подозрений, и становится ясно, что побыть наедине с собой уже не выйдет. Я со вздохом беру себя в руки. И становлюсь Алайной.

– Немного, – заставляю я себя рассмеяться. – Кажется, я не привыкла к такому крепкому вину.

– Забавно. Мне, наоборот, казалось, что оно на удивление слабое.

Парень делает последний глоток, затем ставит чашу на перила и идет ко мне.

– Я Талин. Талин Рейвенсгейл IV, если быть точным, но сомневаюсь, что здесь есть друзья Талины.

– Алайна Девинтер, – вру я.

Он делает шаг вперед, залитый мягким лунным светом, и я впервые могу его разглядеть. Он на добрые две головы выше меня, его поджарое тело наводит на мысль о скрытой силе. Волосы свисают десятками аккуратных косичек, а челюсть украшает тончайший намек на бороду. Его скулы угловатые, подбородок острый, а темно-карие глаза с золотыми крапинками мягко сверкают, пока он меня оценивает.

Но больше всего мой взгляд приковывают его руки. Дело не только в том, что это красивые руки, хотя они определенно хороши, худые, но подтянутые, с широкими ладонями, украшенными серебряными кольцами, и длинными венами, выступающими на его предплечьях. Нет, меня завораживает то, что у него на руках. Рунические символы, десятки сложных ярких символов спиралью обвивают его бицепсы. С другого конца зала я подумала, что это татуировки, но теперь вижу, что это что-то другое. Они нарисованы, полагаю, какой-то мягкой цветной пылью, пылью, сияющей на коже золотым и голубым, как звезды в ночном небе.

Я напряженно пытаюсь вспомнить все, что знаю о королевстве Ксинтари, а этого до неловкости мало. Они правят континентом далеко на юге, за Вечно Теплым морем, страной густых джунглей и возвышающихся вулканов. Они богаты, думаю, богаче, чем Маровия, но также скрытны, изолированы, общаются с Республикой через единственного посла. И у них есть могущественные Волшебники, настолько могущественные, что их боится сам Сенат. Республика никогда не пыталась завоевать их земли, что говорит об их силе больше, чем что-либо еще.

Талин замечает, что я смотрю на его руки.

– Обычай Ксинтари, – пожимает плечами он. Он здесь такой же чужак, как и я, даже больше, но он, кажется, совершенно спокоен. Нет. Более чем спокоен. Он кажется совершенно равнодушным.

– Я бы не запаривался, но отец настоял, чтобы я приехал в официальном облачении. Представить королевскую семью и все такое.

– Значит, это правда. Ты принц, – говорю я.

– Так и есть, – признается Талин с кривой улыбкой. – Хотя, уверяю тебя, это совсем не так захватывающе, как ты думаешь. У меня шестеро старших братьев и три старшие сестры. Мои шансы сесть на Золотой трон едва ли выше твоих.

– Учитывая, что я впервые слышу о Золотом троне, сомневаюсь, что это правда.

– На самом деле он не золотой. Во всяком случае, не весь, – отвечает он. – В этом минус быть младшим ребенком. Моя старшая сестра возглавляет армию. Старший брат – казначей. А я застрял здесь, на другом конце света, удостоенный чести представлять наше королевство в школе для маровианских отродий.

Я издаю короткий смешок, искренний хотя бы потому, что это такое облегчение – слушать того, с кем мы в одинаковом положении.

– Значит, ты дипломат, – говорю я, и мой взгляд скользит по его обнаженным запястьям. Нет Божьей метки. – Ты не Волшебник?

– О, я Волшебник, но Ксинтари не татуируют *запястья*, – отвечает Талин, как будто мне это должно что-то дать. – Впрочем, хватит обо мне. Я хочу узнать больше о тебе.

– Обо мне? – спрашиваю я, и, Богами клянусь, как много бы я отдала хотя бы за несколько минут одиночества, несколько минут без притворства. – Боюсь, здесь особо нечего узнавать. Я уж точно не принцесса. Всего лишь еще одна студентка, такая же, как остальные.

– О, я в этом сомневаюсь, – говорит он, сверкая в меня глазами, – ты единственная студентка, которую я видел несущейся через банкетный зал с ножом в руке.

Кровь застыла у меня в жилах. Он видел. Он *знает*. И просто стоит с этой ошеломленной улыбкой, пожирая меня глазами.

– Я... Я не... Я не была...

Талин смеется, качая головой, пока его косы раскачиваются, а на кончиках звенят крошечные серебряные бусинки.

– Расслабься. Я не осуждаю, – говорит он. – Мне просто любопытно, кого из этих напыщенных маленьких засранцев ты так сильно хотела зарезать.

Я испустила едва заметный вздох облегчения. Так, значит, он не знает всего. Не знает, что я шла к Абердину. Он просто думает, что я затаила на кого-то обиду. С этим можно работать.

– Мариуса Мэдисона. – Я тоже пытаюсь игриво пожать плечами. – И я не собиралась его зарезать. Просто хотела немного напугать.

– Мариус Мэдисон, – говорит Талин, и впервые его улыбка исчезает. – Он и его отец встретили меня, когда я приехал. Пара красующихся павлинов, отчаянно пытающихся доказать свое превосходство. Теперь я *жалею*, что ты не зарезала его.

– Значит, ты не донесешь на меня?

Талин издает низкий смешок и поворачивается лицом.

– Никогда. Со мной твой секрет в полной безопасности.

– И почему же?

– Потому что я провел на этом проклятом континенте целых две недели, и ты первый интересный человек, которого я встретил. – Он наклоняется и берет мою руку. Его ладонь мягкая, теплая, и он нежно подносит ее к своим губам. – Для меня было честью познакомиться с вами, леди Девинтер.

Я все еще понятия не имею, чего хочет этот парень, но я знаю, что не могу доверять ни одному его слову.

– А мне с вами, принц Талин IV.

– Просто Талин, – говорит он, а затем, улыбнувшись в последний раз, исчезает за занавеской в банкетном зале, оставляя меня одну в ночи.

Боги. Боги! Я практически падаю на перила. Мир вращается вокруг, пульсируя по краям. Колени пошатываются, прерывается дыхание. Это слишком, это все слишком. Я больше не могу этого делать. Я боец, а не шпион. Я не могу сохранять этот фасад изо дня в день. Не могу продолжать играть в игры с этими интриганами, анализируя каждое их слово на предмет коварных намерений. Я не могу вернуться в холл, не могу выдавить из себя очередную улыбку, *не могу*. Не сейчас, когда убийца моих родителей дышит полной грудью. Я просто не могу. Не в одиночку. Только не без Серы.

Я закрываю глаза и вспоминаю тренировку с Шепот. «Отпусти свои мысли, – говорила она. – Воспринимай только то, что чувствуешь».

Холод металла перил противостоит теплу моих ладоней.

В прохладном бризе чувствуется запах соли.

Гудит ветер, из зала доносится невнятная болтовня.

Мое дыхание замедляется и вновь учащается. Замедляется и учащается. Раз, два. Раз, два. Раз, два.

Я открываю глаза и вижу это. Передо мной раскинулись верхушки деревьев, разрастающиеся, красивые, слегка покачивающиеся. А за их пределами океан, бескрайний и бесконечный. А на краю острова крошечное позвякивание огоньков, мерцающих вдалеке, как светлячки. Деревня, о которой мне говорила Марлена. Смирненные.

Я могу это сделать. Мне нужно закончить миссию.

Я должна.

Я разглаживаю платье (которое, конечно, полностью испорчено вином) и направляюсь в банкетный зал. Все так же, как было до моего ухода: шумно, ослепительно, водоворот ощущений. Несколько голов поворачиваются в мою сторону, но большинство студентов погружены в свои разговоры, что для меня большое облегчение. К счастью, Абердин покинул сцену, так что мне не придется встречаться с ним, по крайней мере пока.

– С тобой все хорошо? – спрашивает Фил, когда я сажусь рядом с ней. – *Что* это было?

– Извини. Я просто была немного ошеломлена, и мне нужно было подышать свежим воздухом. И, видимо, на меня пролилось немного вина. – Я натягиваю платье, на нем темно-фиолетовое пятно. – Что я пропустила?

– Директор Абердин произнес большую речь, а преподаватели представились. Подали маленькие пирожные с кофейным ликером. Ничего интересного. Хотя, неправда, пирожные были чрезвычайно интересными. – Она кивает головой на стол. – Ты как раз поспела к важной части.

Я опускаю взгляд и впервые замечая, что передо мной в богато украшенном когтистом держателе лежит массивное чешуйчатое яйцо, черное, как обсидиан, и большое, как дыня. Оглядываясь вокруг, я вижу, что у всех остальных тоже есть такие.

– Эм, – говорю я.

– Боги, так ты ничего не знаешь! – смеется Фил. – Так мы узнаем орден, в который нас определили!

– Мне понадобится немного больше информации.

– Все мы будем разделены между пятью орденами Блэкуотера. По одному для каждого из Богов.

Фил жестом указывает на сцену, и я вижу пять длинных развернутых баннеров. Каждый определенного цвета и украшен символом животного.

– Все ордена представляют черты характера Богов, – продолжает она. – Авангард, золотой олень – олицетворение власти и господства. Явелло, зеленая обезьяна – олицетворение хитрости и предприимчивости. Селура, синий ворон – олицетворение мудрости и терпения. Зарган, красный медведь – олицетворение храбрости и агрессии. Нетро – черный кракен, олицетворение смерти и... всего в этом духе.

– А яйцо?..

Фил фыркает от смеха.

– Это божественное яйцо. Оно подскажет, к какому ордену ты принадлежишь, прочитав твою душу. Это *волшебство*, – говорит она, шевеля пальцами. – Хотя, на самом деле, нет. То есть есть какая-то магия в том, как яйца это раскрывают, но все знают, что то, к какому ордену ты относишься, решается до того, как ты попадаешь сюда.

Впереди доносятся крики некоторых студентов, остальные хлопают. Мариус Мэдисон запрыгивает на скамью, потрясая кулаком в воздухе, перед ним – расколотое яйцо.

– Авангард! Да. Сильные должны процветать!

Когда яйца трескаются, на знаменах появляются имена, и я вижу, как имя Мариуса вырисовывается на золотом знамени элегантным почерком.

– Кто бы сомневался, – закатывает глаза Фил, и я не могу не заметить, что ее яйцо еще не треснуло. – У меня будет Явелло. Ну, скорее всего. Каждый Поттс был оттуда. Ура торговцам, верно?

Она улыбается, но ее тело излучает нервозность.

– Давай. Открывай свое.

Что ж, посмотрим, к чему это приведет. Я протягиваю руку и нажимаю на верхушку яйца, и мгновенно по мне пробегают электрические покалывания, по венам проносится молния. Я тихонько ахаю. Бороздки между чешуйками загораются ярким светом, образуя соты из ослепительных шестиугольников, а затем все это рассыпается в мелкий белый пепел. Я чувствую притяжение Пустоты и вижу, как в воздухе мигает иллюзорный глиф, напоминающий цвета, которые мы видим, когда прижимаем ладони к глазам. Потом он исчезает, и остается только кучка пепла с маленьким черным камнем, лежащим в ней.

– Похоже, ты в ордене Нетро, – говорит Фил.

Я смотрю на черное знамя с кракеном и вижу, как на нем появляется мое имя, точнее, имя Алайны.

– Это плохо?

– Нет. Нисколько. На самом деле нет плохих орденов. Это лишь вопрос личности. – Она делает быстрый глоток вина, выдыхает, затем тянется за своим яйцом.

– Ладно, поехали.

Ее рука касается яйца, оно светится, а когда рассыпается, внутри оказывается черный камень, точно такой же, как у меня.

Лицо Фил вытягивается.

– Нетро? – шепчет она дрожащими губами. – Черт. Seriously? *Черт.*

– Ты же сказала, что нет плохих орденов?

– Ну я ведь думала, что попаду в Явелло! Я пыталась быть вежливой! – Она склоняется над столом, закрыв лицо руками. – Вот это да. Первый Поттс, который даже не претендовал на Явелло. Нетро. *Нетро.*

Я знаю, что глупо обижаться, учитывая, что на самом деле я не Алайна, но это все равно неприятно. Я беру свой черный камень в руку и верчу его. Он кажется довольно обычным.

– А что плохого в Нетро?

Фил вздыхает:

– Амбициозные дети политиков? Они идут в Авангард. Хитрые дети идут в Явелло. Книжные черви отправляются в Селуру. Спортсмены в Зартан. А Нетро... это орден для бракованных. Куда они отправляют всех неудачников и изгоев и, ну новоотмеченных. Всех студентов, которые, по их мнению, потерпят неудачу. – Она делает еще один глоток из бокала, понимает, что он пуст, и сердито отбрасывает его в сторону. – Знаешь, как всегда говорил мой отец?

Кто в Авангарде, тот вперед ведет,
Кто в Явелло, того алчность гнетет,
Кто из Селуры, тот мудр и начитан,
А тот, кто из Зартана, кровью пропитан¹.

– А что делают члены Нетро?

¹ Вольный перевод Блонского Д.

– Абсолютно ничего. – Фил сердито отодвигает свой камень в сторону. – Боги, родители будут в шоке.

Я откидываюсь назад, принимая эту информацию. Я всегда думала, что мир поделен на две группы: Смиренные и Волшебники, могущественные и угнетенные. Я полагала, что у всех Волшебников не жизнь, а сказка. Но теперь мне ясно, что я ошибалась: структура власти намного сложнее. Иерархии внутри иерархий, касты внутри каст, бесконечная матрешка социального восхождения. Фил, вероятно, богаче всех, кого я когда-либо встречала за свои семнадцать лет, но здесь с ней обращаются как с ничтожеством.

В это трудно поверить, но в этом есть смысл. Мы здесь учимся меньше часа, а нас уже рассортировали и разделили, произвольно оценили нас и разделили на фракции. Это жестоко, невообразимо жестоко, но я понимаю, зачем это сделано. Я уже ловлю себя на том, что мои глаза блуждают по комнате в поисках других черных камней, в поисках союзников. Я уже чувствую, как расцветает моя ненависть к студентам Авангарда, фракции Мариуса, только по той причине, что он один из них.

В этом и заключается вся суть Волшебников. Под столом рука непроизвольно сжимается в кулак, и я тоскую по холодной хватке локусов. Этот мир несправедлив. В каждой частичке.

Мне нужно сосредоточиться, поэтому я поворачиваюсь к Фил.

– Действительно ли ордена так важны? Что они дают?

– Статус, – отвечает Фил, как будто это самая очевидная вещь в мире. – Социальную значимость. Родительское признание. И ну, знаешь. Великая игра. Если тебя она не волнует.

– Какая-какая игра?

– Ты бы услышала, если бы присутствовала во время выступления директора Абердина, – поддразнивает Фил, не понимая, как близко я подошла к тому, чтобы обеспечить его вечным молчанием. – Великая игра – это большое соревнование, проводимое в течение нашего первого года. Есть три испытания, по одному каждые несколько месяцев, в которых все ордена соревнуются за очки. А в конце года орден, набравший наибольшее количество очков, получает звание ордена-победителя. Устраивается большой праздник, на котором Грандмастер чествует их в зале Сената. В целом вот так. – Она качает головой. – Хотя это не имеет значения. Каждый год побеждает Авангард.

Фил отворачивается, подавая знак Смиренному, чтобы тот принес еще вина, что хорошо, потому что она не видит выражения моего лица. Весь мир, кажется, затихает и замирает, когда на меня обрушивается тяжесть ее слов, брошенных так небрежно. Грандмастер чествует орден-победитель в зале Сената. *В зале Сената.*

Ревенанты существуют, так или иначе, уже столетие. У нас была своя доля побед: сожженный гарнизон, убитый Волшебник, освобожденный Трудовой лагерь. Но Сенат всегда был жемчужиной, ускользавшей от нас, завоеванием, на которое мы никогда даже близко не претендовали. Мы пытались, ох, мы определенно пытались. Но Сенат Маровии – самое надежно защищенное здание в мире, расположенное в самом сердце непроходимого Арбормонта, скрытое за слоями защитных глифов, днем и ночью охраняемое армией Инфорсеров. Шепот давно оставила надежду когда-либо атаковать его напрямую.

Она послала меня сюда, чтобы я узнала секреты магии. Но даже она понятия не имела о настоящем призе в игре. Если я продолжу в том же духе, если смогу подняться по социальной лестнице, выиграть эту идиотскую игру, я попаду туда, где никогда не был ни один Ревенант. Они бы *чествовали* меня в самом Сенате, среди палат, стен и Инфорсеров. Привели бы зал и окружили самыми значимыми и могущественными людьми Республики. Оставили бы себя без защиты.

И я улыбаюсь. Не фальшивой улыбкой, которую я выдавливала из себя всю ночь, а настоящей, искренней, потому что просто ничего не могу с собой поделать. Я смотрю на профессоров, прямо на Абердина. Он откидывается на спинку стула и смеется, потягивая вино из укра-

шенного драгоценными камнями кубка, ни о чем на свете не беспокоясь. Минуту назад это привело бы меня в ярость. Но теперь я вижу в этом слабость, уязвимость, чем оно и является. Его бдительность ослабла. Он понятия не имеет, что его поражение, его гибель находятся в другом конце комнаты.

Мое спокойствие уступает место решимости, даже уверенности. Я выполняю миссию. Я узнаю все их секреты. Меня будут приветствовать, *почитать* в зале заседаний Сената. А потом я его уничтожу.

Абердин хвастался порядком, который он построил, прежде чем убить моих родителей? Что ж, я заставлю его смотреть на то, как я сжигаю все, что его окружает. Я подожгу всю так им любимую Республику у него на глазах.

А потом? Потом, когда я заберу у него все? Когда я заставлю его почувствовать на вкус то, что он сделал со мной?

Потом я убью его.

Глава 7

Прошлое

В семь лет я обретаю свой новый дом.

После убийства родителей, после того, как я кричу и вою на пляже, следующие несколько дней проходят как в тумане, в полузабытии сквозь горящие глаза. Я шатаюсь по улицам с Серой, прячась от патрулирующих Инфорсеров. Мы жмемся в темных переулках, пьем воду из луж, едим выброшенные отбросы с рынка. Просим незнакомых людей о помощи, а в ответ получаем лишь отведенные взгляды и гримасы отвращения.

И каким-то образом, на рассвете третьего дня, мы оказываемся на другой стороне Ларока, в трущобах, где деревянные лачуги растут друг от друга, как ракушки, где воздух затаен дымом и шумит болтовней борделей. Я сую бумагу, которую дал мне отец, пьянице с затуманенными глазами, который указывает нам на наше последнее место назначения – старый склад с высокой крышей и стенами из крошащегося красного кирпича. Я ковыляю к нему, мои растрепанные волосы липнут к голове, одежда изорвана, лицо почернело от пепла и грязи. Сера следует за мной, опустив голову, спрятавшись за своими спутанными рыжими кудрями. Она не произнесла ни слова с той ночи, когда умерли родители, как бы я ее ни умоляла, как бы сильно ни плакала.

Боюсь, она больше никогда не заговорит.

У дверей склада стоит массивный светловолосый мужчина из Велкшена, его рука покоится на широком плоском клинке в ножнах. В последующие годы я буду знать его как Крикса, научусь у него искусству владения клинком и буду плакать, когда он умрет. Но сейчас он просто ужасающий человек, который загораживает меня от того места, куда мне нужно пройти.

Я все равно подхожу. Что мне остается делать?

– Пожалуйста, сэр, – говорю я. – Я...я...

– Денег нет, – говорит он с гортанным акцентом, и я вижу, как жалко, должно быть, я выгляжу в его глазах. – Не дам.

– Меня зовут Алка Челрази, – выдыхаю я. – Это моя сестра, Сера. Нашим отцом был Петир Челрази. Он послал нас сюда. Чтобы поговорить с Шепот. – Я падаю на колени, потому что не могу идти дальше, и если это не сработает, значит, ничего не сработает. – Пожалуйста.

Мужчина встревоженно смотрит на меня.

– Подожди, – говорит он наконец, затем заходит внутрь. Проходят минуты, долгие минуты под жарким солнцем, а потом он снова выходит, уже не выглядя так уверенно.

– Шепот не здесь, но... пошли. За мной!

Он толкает дверь и впускает меня внутрь. Мы с Серой идем за ним в прохладную тень комнаты, и я сразу понимаю, что мы находимся в каком-то тайном, опасном и запретном месте. Склад был переоборудован в казарму. Десятки мужчин и женщин заполняют это место, сидя на помостах, перебирая карты и бумаги, тихо переговариваясь под шаткими навесами. Оружие лежит на стеллажах вдоль стен: мечи, копья и арбалеты. В дальнем конце комнаты, на возвышении, худая женщина сражается с мужчиной с голым торсом, кружась, в то время как их деревянные клинки ударяются с гулким лязгом. Неужели сюда мой отец ходил по нескольку дней в неделю? В чем он был замешан?

– Подождите здесь, – говорит охранник, указывая нам на скамью. – Шепот скоро вернется.

Я плюхаюсь на нее, осознавая, что в комнате воцарилась тишина, бойцы прекратили сражаться, а заговорщики перестали строить планы, и все пристально смотрят на нас. Я не знаю, что я здесь делаю, не знаю даже, где это *здесь*, не знаю, что будет дальше. Я лишь знаю, что

родители мертвы, а мой мир разрушен. Я просто знаю, что больше никогда ничего не будет хорошо.

Я обхватываю голову руками и плачу.

– Все будет хорошо, – говорит Сера.

Я останавливаюсь и медленно поднимаю взгляд. Сера сидит рядом со мной на скамье, откинула кудри в сторону и смотрит на меня большими голубыми глазами. В течение последних дней каждый раз, когда я смотрела на нее, они были затуманенными и налиты кровью, но сейчас выглядят ясными, сосредоточенными, решительными.

– Ты заговорила, – шепчу я. – Я так боялась, что ты больше и слова не скажешь. Я так испугалась... – Я осматриваю эту большую темную комнату, угрюмые лица, наблюдающие за нами, зазубренное оружие и грязные полы. – Мне все еще очень страшно...

– Нам нельзя бояться, – говорит она, ее голос решительный, серьезный, старше, чем должен быть. – Папа сказал, что мы должны быть сильными и храбрыми. Он сказал, что если мы придем сюда, то будем в безопасности. Так что все будет хорошо. Потому что он так сказал.

– Папа умер, – впервые говорю я вслух, и эти слова, произнесенные в воздух, каким-то образом становятся реальными. – Мама тоже умерла. Они оба мертвы!

– Но мы не мертвы, – говорит Сера. Когда она смотрит на меня, то почему-то одновременно невероятно сильна и отчаянно слаба, взрослый и ребенок в одном лице. – Ты все еще жива. Я все еще жива. Мы есть друг у друга.

Затем она бросается вперед и обнимает меня, а я крепко обнимаю ее. Мы держимся друг за друга, две сестры, две души, плывущие по течению в темном море, цепляясь друг за друга, чтобы удержаться на плаву. Я провела три дня одна в буре, не видя ничего, кроме боли и отчаяния, и вот наконец-то в темноте горит лучик тепла. Тогда я этого еще не знаю, но это объятие – одна из самых важных вещей, которые когда-либо происходили со мной. Мы с Серой всегда были близки, но с этого момента мы стали неразлучны.

Это объятие ставит меня на путь, который определит следующее десятилетие моей жизни, который отправит меня в Блэкуотер. Все, что последует за этим, весь огонь и кровь, боль и любовь, все это ведет начало от этого объятия.

– Я люблю тебя, – говорю я ей.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает она, и ее маленькие ручки прижимают меня так сильно, что мне больно. – С нами все будет в порядке. Мы должны быть в порядке.

Шепот возвращается ближе к вечеру, прихрамывая, входит в комнату, размеренно постукивая тростью по деревянному полу. Другие мятежники бросают свои дела, когда она входит, и встают прямо, прижимая кулаки к сердцу в знак приветствия. Не говоря ни слова, она направляется ко мне, ее ледяные голубые глаза сверлят меня насквозь.

– Клянусь Богами, – говорит она наконец, – девочки Петира Челрази. Вы выжили.

– Наш папа послал нас сюда, – объясняет Сера дрожащим голосом. – Он сказал, что здесь мы будем в безопасности.

Шепот делает долгий выдох. Она не холодна, ничуть, но вряд ли ее можно назвать приветливой.

– Я уверена, что он так и сказал, – говорит она, тщательно взвешивая каждое слово. – Но реальность такова... что.

Ее голос затихает, а глаза расширяются. Она пристально смотрит на меня. На мою руку. На мою Божью метку. Я инстинктивно опускаю рукав, потому что родители учили меня никогда никому ее не показывать, но уже слишком поздно. Шепот хватается за запястье и задирет мою руку.

– Она настоящая? – шипит она. – Скажи мне!

– Д-да, – заикаюсь я. – Настоящая! Больно!

В комнате стоит такая напряженная тишина, что кажется удушающей. Она отпускает мою руку, и я отступаю, крепко сжимая ее. Она оглядывается на остальных, затем опускается на колени перед нами. В эту секунду она преображается. Холодность, суровая отстраненность, все это тает. Она улыбается нежной доброй улыбкой и обнимает нас обеих.

– О, девочки, – говорит она. – О, мои милые девочки. Здесь вы в безопасности. В безопасности. Вы дома.

Глава 8

Настоящее

Нас провожают после пира, и мы выходим в просторный внутренний двор, расположенный за главным залом. Мощные дорожки пересекают травянистую местность витиеватыми спиралями, а фонари раскачиваются на железных столбах, вспыхивая в темноте красным и фиолетовым. Я не знаю, куда иду, но остальные, похоже, в курсе, поэтому я иду за толпой. В камуфляже есть ясность, уверенность, которая приходит от отказа от своей личности, пускай и на минуту, чтобы слиться с группой.

В конце двора находятся пять больших общежитий, расположенных широким полукругом. Каждый из них с уникальной архитектурой, соответствующей его божеству. Орден Авангард стоит гордо и демонстративно, с элегантными мраморными колоннами и развевающимися золотыми флагами. Зартан больше похож на крепость, вплоть до закругленных парапетов и множества тренировочных манекенов, установленных на лужайке. Селура воспевает воду своими элегантными фонтанами и спиральными голубыми балюстрадами, в то время как Явелло сверкает инкрустированными изумрудами и сияющими филигранями. А Нетро стоит в самом центре, темный, холодный и без украшений, его флаги черные, фонари горят невозможным обсидиановым пламенем.

Студенты делятся по мере приближения, по шестьдесят или около того на каждый орден. Я вижу, как Мариус, Дин и куча других радостно кричат, набиваясь в Авангард, вижу, как племянница директора Виктория идет к ордену Селуры. Принц Талин тоже здесь, прогуливается под навесом Явелло. Наши взгляды встречаются, и он игриво пожимает плечами.

– Принц Ксинтари расхаживает сквозь двери Явелло, а мы застряли в Нетро, – ворчит Фил рядом со мной. – Невроятно. По нему даже не скажешь, что он *хочет* этого.

– Думаю, это ему подходит, – отвечаю я. – Он определенно был хитер, когда мы разговаривали.

Фил моргает, глядя на меня.

– Ты разговаривала с ним. С принцем. Когда? Как?

– Снаружи, когда мне нужно было подышать. Он очень проницателен и при этом опасен. И любитель пофлиртовать.

У Фил отвисает челюсть.

– *Кто* ты такая?

Мы вместе шагаем к ордену. Статуя Нетро, Бога смерти, стоит снаружи, держа весы в костлявых руках. Его пустые глазницы наполовину скрыты саваном, свисающим с лица. От его вида мне становится не по себе, как и от всех религиозных скульптур. Я потею и ерзаю всякий раз, когда мне приходится сидеть в храме, застряв в пропасти между скептицизмом и верой. Религия и политика всегда идут рука об руку. Высшие священнослужители служат Сенату, проповедуют Евангелие Республики, настаивают на том, что это по воле Богов Смиранные прислуживают, а Волшебники правят. По очевидным причинам я в это не верю. Но я не могу просто отречься от Богов, как это делают некоторые другие Ревенанты, или признать, что все это ложь. Я чувствую, как сила Богов течет по моим венам каждый раз, когда я вырезаю глиф, и я провела достаточно времени в Пустоте, наблюдая, как эти ужасающие фигуры проходят прямо за завесой, чувствуя эту сырую, древнюю энергию.

Из всех людей только Павел предложил наилучшее объяснение, когда мы сидели вместе однажды вечером и смотрели на океан с палубы корабля. «Как понимаю я, Боги подобны приливам, луне и звездам, – говорил он со стеклянными глазами и покрасневшими щеками. – Они существуют. Конечно, они существуют. Мы видим их прямо здесь, своими собственными

глазами. Но если кто-то скажет, что он знает, для чего они существуют, чего они хотят, какую цель преследуют... Что ж, этот человек либо лжец, либо дурак».

Мы проходим мимо статуи, поднимаемся по лестнице и заходим в общежитие. Первая комната, в которую мы попадаем, – общая зона. Вдоль стен тянутся высокие книжные полки, плотно заставленные томами книг. Комнату заполняют кожаные диваны, покрытые пушистыми подушками. За углом находится бар, уставленный высокими разноцветными бутылками и хрустальными графинами. На стенах висят портреты выдающихся представителей Нетро, суровых Волшебников в черных мантиях, бородатых мужчин со шрамами и стройных седовласых женщин.

Комната очень хороша, но атмосфера толпы вокруг мрачная и безысходная. Вокруг царит тишина. Несколько студентов плюхаются на диваны, обхватив голову руками. Один пухлый мальчик с растрепанной копной выющихся черных волос направляется напрямик в бар, где пьет вино прямо из графина. Я думала, что Фил чересчур драматична, но теперь начинаю переживать. Неужели этот орден действительно настолько плох?

Словно в ответ, тишину пререзает голос:

– Добро пожаловать в орден Нетро, юные кракены.

В дверях комнаты стоит пожилая женщина. На ней длинное черное платье, плотно облегающее ее худощавую фигуру, и элегантные черные перчатки, доходящие до локтей. Ее черные волосы собраны в пучок, а холодные, умные желтые глаза изучают нас из-за очков в золотой оправе. Ее кожа мягкого оливкового оттенка, а губы выкрашены в малиновый, почти кроваво-красный цвет. При ее появлении остальные ученики поднимают головы, за исключением мальчика с графином, который просто продолжает пить.

– Меня зовут профессор Иола Калфекс, – говорит женщина, проходя в центр комнаты. – Адъюнкт-профессор исследований Пустоты. Специалист по истории Маровии. И глава ордена Нетро. В течение следующих двух лет вы все – мои подопечные. – Ее губы изгибаются в улыбке. – Постарайтесь не выглядеть такими опустошенными.

Фил издает легкий смешок, и взгляд Калфекс скользит в нашу сторону. В ней есть что-то такое, от чего мне становится не по себе, как будто она видит меня, видит насквозь, как никто другой. Я напрягаюсь, но затем она снова отводит взгляд в сторону, к остальным, говоря с уверенной интонацией человека, который произносил одну и ту же речь дюжину раз:

– Прямо сейчас главы других орденов произносят вдохновляющие речи для своих новых учеников. Они говорят о том, как им повезло быть частью ордена, воспевая достоинства своих самых запоминающихся выпускников, обещая им победу в Великой игре. – Она складывает руки вместе и сжимает губы в узкую линию. – Я не собираюсь этого делать.

– Боги, – стонет мальчик с графином, – даже наш глава ордена знает, что мы бесполезны.

– Вовсе нет, – отвечает Калфекс, подходя к нему. – Меня бы здесь не было, если бы я так считала. Я решила возглавить Нетро, потому что верю в орден. Верю в нашу цель. Верю во всех вас, в ваш потенциал. – Она берет графин у него из рук, затем поворачивается, чтобы налить себе стакан. – Вопрос в том... знаете ли *вы* свой потенциал? Свою цель?

Она формулирует это как вопрос, но никто не отвечает, так что наконец Фил откашливается.

– Не могли бы вы уточнить вопрос?

– Филмонела Поттс. Рада вас здесь видеть. – Ухмылка Калфекс – это кинжал. – И я уточню в виде еще одного вопроса. Полагаю, вы все видели статуи снаружи. Авангард – Бог политиков. Он носит корону. Зартан – Бог воинов, в его руках меч. Селура – ученый, она держит перо, Явелло – купец с кубком. Все понятно. А Нетро – Бог смерти – не держит ни лопаты, ни скарабея, ни кости. Вместо этого у него пара весов. Почему?

Весы были необычным штрихом, так как Боги обычно изображаются с пустыми руками. Но даже когда другие студенты неуверенно смотрят друг на друга, ответ кажется мне очевидным.

– Потому что Смерть – великий уравнитель, – повторяю я слова из Священного Писания, которые врезались мне в мозг. – Смерть очищает все книги учета. Смерть стирает все долги. Перед ней все равны.

Глаза Калфекс сужаются, пока она внимательно изучает меня.

– А вы кто?

– Алайна Девинтер, – отвечаю я, и страх сжимается у меня в животе, будто в кулак. Я знаю эту цитату, потому что она является стандартом на похоронах Смиренных. Но знала ли это Алайна?

Калфекс улыбается:

– Отличный ответ, леди Девинтер. Вы хорошо знаете Писание. – Она поворачивается к остальным, делая маленький глоток из бокала. – Я верю, что орден Нетро существует не просто так. Верю, что вы все были определены сюда не без причины. И эта причина – *равновесие*.

Она указывает на портреты, висящие за спиной.

– Позади меня вы не видите ни знаменитых Грандмастеров, ни легендарных воинов. Вы не видите чемпионов Великой игры. И все же это все равно по-настоящему влиятельные люди. – Она идет по очереди, постукивая по пути по каждому портрету. – Висселлин Маркос выступил посредником в достижении компромисса 254 года, предотвратив гражданскую войну. Элларо Уильямсон обманул ситхарских патриархов в 432 году, позволив завоевать континент. Каспар Уилшир изобрел способ сохранять глиф огня в стекле, хотя долгое время это считалось невозможным. И Женеьевева Огюст... – Она благоговейно проводит рукой по центральной рамке – решительная женщина с лицом, покрытым оспинами. – Она отдала свою жизнь, создав самый большой огненный глиф в истории, подожгла флот Безумного гроссмейстера Грандмастера Сетиса и положила конец его царству террора. Понимаете?

Несколько голов вокруг меня кивают.

– Мы привносим равновесие, – говорит парень у бара.

– Вот именно, – отвечает Калфекс, – мы делаем все то, что не сделали бы остальные. Другие ордена почитают единственную черту характера, и это заманивает их в ловушку односторонности. Зартан всегда будет наносить удар по проблеме. Селура всегда будет изучать ее. А мы, представители Нетро? Мы непредсказуемы. Мы находим новые решения. Отваживаемся на новые рубежи. И держим остальных в узде. – Она ставит пустой бокал на стол и поворачивается к нам, широко раскинув руки. – Другие скажут, что вы здесь, потому что вы аутсайдеры, потому что вы бесполезны и не вписываетесь в какую-то четкую роль. А я скажу: что хорошего в том, чтобы вписываться? Я скажу, что вы здесь, потому что вы другие. – Она широко улыбается, ее безупречно белые зубы сверкают на свету. – Я скажу, что вы здесь, потому что *интересные*.

Мальчик у бара хлопал первым, а за ним последовали остальные, низкий каскад аплодисментов, отражающийся от куполообразной крыши. Это не было восторженным ревом, но настроение изменилось. Даже я чувствую небольшой прилив гордости, прежде чем вспоминаю, что Калфекс все еще враг, как и любой другой.

– Хорошая речь, – шепчет Фил, аплодируя. – Но то, что ты другой, не принесет вашей семье чести. То, что ты другой, не даст тебе силы. И не сделает тебя богатым.

Она права. Но мне не нужны ни честь, ни власть, ни богатство. Все, что мне нужно, это убедиться, что орден Нетро победит в испытаниях, и я попаду в Сенат. И если это действительно те студенты, которые могут мыслить по-другому, кто может внедрять инновации среди сильных и мудрых? С этим можно работать.

Остаток ночи проходит без происшествий, что приносит мне облегчение, потому что я вымоталась. Я задерживаюсь в общей комнате, напоследок выпиваю с Фил и стараюсь держаться подальше от пристального взгляда Калфекс. Я знакомлюсь с несколькими другими представителями Нетро: шутником Десмондом, мальчиком с графином; Джаспером, застенчивым пареньком в огромных очках, который говорит, словно энциклопедия; Тиш, небинарным Киндрали, который говорит тихо, но все видит; Зигмундом, неуклюжим парнем из Велкшена, от чьего смеха трясутся стены. Думаю, что смогу их использовать. Они не идеальны, но они сойдут.

Ночь подходит к концу, поэтому мы забираем у Калфекс ключи и поднимаемся наверх, в наши комнаты. Моя находится на четвертом этаже, под номером 29. Мы с Фил расходимся на лестнице, так что я остаюсь одна, открываю дверь и вхожу внутрь. Односпальная кровать стоит под окном. У стены стоит письменный стол с аккуратной стопкой бумаг, пером и маленьким хрустальным светильником, который светится мягким белым светом. В одном конце комнаты находится шкаф, в другом – зеркало в полный рост. Полагаю, для большинства здешних студентов такая комната – это шаг назад от роскоши, в которой они выросли. Но это, несомненно, лучшая комната, в которой я когда-либо жила.

Я вхожу и закрываю дверь, выпуская самый глубокий, самый усталый вздох облегчения. Как будто я целый день провела под водой и наконец-то вынырнула на поверхность, чтобы подышать. Я наконец-то, *наконец-то* одна. Я могу сбросить маску, выключить Алайну Девинтер, отбросить постоянное притворство, прихорашивание и ложь. Завтра мне придется вернуться туда, но в этот миг, в этот *драгоценный миг*, я одна.

Я падаю на кровать, на прохладную мягкую подушку. Закрываю глаза и позволяю себе ощутить вкус победы, какой бы маленькой она ни была. Я сделала это. Ревенант в Блэкуотере. Я здесь.

Сон накрывает меня нежной волной.

Глава 9

Прошлое

В девять лет я высекаю свой первый глиф.

Стоит жаркая летняя ночь, из тех, когда ты ворочаешься и просыпаешься весь в поту, когда жужжат комары, а широкий белый лик луны кажется насмешкой. Не то чтобы я могла бы уснуть в ту ночь. Не с теми планами, которые я построила.

Я выскальзываю из палатки и босиком крадусь через лагерь, мимо мерцающих углей костра. Мы спим в лесах Галфори, наши палатки уютно расположены под высокими до небес секвойями. Ревенанты, с которыми я обычно путешествую, рассеялись, вынужденные разделиться после того, как республиканские силовики окружили нас в Лароке. Большинство бойцов отправились на север, чтобы освободить Трудовые лагеря Велкшена и расширить наши ряды. Тем временем Сера, Шепот и я отправляемся на юг вместе с небольшой группой охранников в сторону незаконных болот Морро. Но это долгое путешествие, утомительная поездка по пыльным дорогам в шатких повозках, ночи, проведенные в хлипких холщовых палатках под звездами.

В целом я и не против. Со мной рядом Сера, чтобы рассказывать мне в дороге интересные факты из книги, смеяться, когда мы ловим рыбу в ручьях и уютно устраиваемся у костров. С Серой я никогда не одинока. С ней я дома.

Именно ее я ищу в ту знойную ночь. Я прокрадываюсь к ней в палатку, ожидая застать ее спящей, но обнаруживаю, что она сидит прямо и читает тяжелый том по истории при свечах. Она вздрагивает, и я вздрагиваю в ответ, и она говорит: «Алка?» так ошеломляюще громко, что я шикаю на нее так сильно, как только могу, прежде чем вылезти обратно на улицу.

Через несколько секунд она выползает наружу, ее рыжие волосы в беспорядке растрепаны по лицу.

– Что ты делаешь? – шепчет она. – Ты должна спать!

– Ты *сама* не спишь.

– Я читала! – настаивает она. – А *ты* что делаешь?

– Готовлюсь, – ухмыляюсь я. – Я сделаю это. Сегодня. Я соскользну в Пустоту. Я воспользуюсь магией!

– Что... я... с... чего? – Ее рот открывается и закрывается, когда она переживает гамму эмоций: смущенная, сердитая, заинтригованная, расстроенная. – Боги, Алка. Почему самые худшие идеи всегда приходят тебе в голову посреди ночи?

– Потому что именно тогда все спят и не могут меня остановить, – отвечаю я. – Давай же! Я хочу, чтобы ты была со мной! Я хочу, чтобы ты увидела, как я высекаю свой первый глиф! – Я лезу в сумку и достаю сложенную ткань. Внутри находятся мои самые ценные, самые секретные вещи: двое локусов – пара изогнутых палочек из красного дерева.

– Ты их *укра*ла? – Ее глаза расширяются.

– Из оружейной! – отвечаю я, а голова идет кругом от волнения. – Я взяла их по одному, пока все были заняты другим!

– Почему ты говоришь так, как будто это хорошо? – отвечает она, и если шепот каким-то образом может быть криком, то она именно кричит. – Ты в своем уме? Зачем ты это сделала?

– Мне нужно научиться колдовать, Сера! – Я начинаю немного раздражаться. Я не планировала так много болтать. Если это затянется слишком надолго, мы кого-нибудь разбудим. – Как я это сделаю без локусов?

– С помощью книг, которые тебе дала Шепот, – настаивает она. – Они научат тебя тому, что нужно!

Я борюсь с желанием закатить глаза. Для Шепот это огромное испытание. С одной стороны, у нее есть то, чего никогда не было ни у одного лидера Ревенантов: молодой Волшебник с Божьей меткой на запястье, способный на невообразимую силу и разрушение. С другой – на самом деле это всего лишь ребенок. Ребенок без навыков, подготовки и, самое главное, без наставника. Чтобы я была по-настоящему полезна для Ревенантов, ей нужно, чтобы я научилась управлять своей силой. Но как я могу учиться, когда меня никто не учит?

Поэтому она дает мне то, что может, то, что ей удастся украсть. Книги об истории Волшебников. Толстые тома магической теории, которые я и близко не понимаю. Горстка записок, украденных во время набегов то тут то там, с, возможно, глифами, нарисованными на них.

Но ничего из этого не унимает тоску в моем сердце, голод. Тело горит желанием и *потребностью* творить магию. Это будит меня по ночам. Беспокоит в течение дня. Это зуд, который нужно почесать, жажда, которую нужно утолить. Я не знаю, насколько причина в Божьей крови, а насколько – во мне самой. Но я не могу и дальше сидеть, читать и рисовать. Я хочу *действовать*. И я не хочу делать это в одиночку.

– Книги не помогают, и ты это знаешь, – говорю я Сере. – Из них я никогда не научусь быть Волшебником. Мне нужно пробовать. Чтобы попасть в Пустоту. Чтобы высечь глиф. – Я показываю на локусы. – Это единственный способ научиться по-настоящему, и ты это знаешь!

– Алка... – тихо говорит она. Ей всего восемь, но у нее терпение и темперамент взрослого. – Я знаю, что ты хочешь это сделать. Но Шепот говорила, что это запрещено. Она сказала, что ты не можешь так рисковать!

Я люблю ее больше всех на свете, но, Боги, как же она меня расстраивает! Я так сильно этого хочу, так сильно, и я рискнула сказать ей об этом. Но, конечно, *разумеется*, она не посмеет бросить вызов Шепот. Она любимица Шепот, ее вундеркинд. Она проводит с ней весь день на их маленьких уроках, изучая стратегию, дипломатию и шпионское ремесло. Ее учат быть лидером. А я застряла, уставившись на старые записки.

– Хорошо. – Я заворачиваю локусы обратно в ткань. – Мы должны просто делать то, что говорит Шепот. Несмотря на то, что она не Волшебник. Несмотря на то, что она *ни черта* не понимает.

Я практически выплевываю в нее последние слова и вижу, как она морщится, потому что знаю, что она ненавидит, когда я ругаюсь.

– Ты ведь не будешь делать ничего безрассудного, да? – спрашивает она, хватая меня за запястье. – Не будешь пробовать сама?

– Нет. – Я вырываю свою руку из ее и, надувшись, ухожу в ночь. – Не буду. Обещаю.

Я жду добрый час, чтобы убедиться, что она спит, прежде чем попробовать. Я не хочу делать это в одиночку. Мне страшно идти в Пустоту одной, но, более того, я хочу испытать это вместе с ней. Я хочу, чтобы она была рядом, когда я вырежу свой первый глиф. Я хочу знать, что она рядом, заботится обо мне. Я хочу, чтобы этот момент был нашим общим, нашим секретом, нашим, и только нашим.

Но ничего. Она предпочитает Шепот мне? Я не сдамся только потому, что она трусиха.

Я крадусь из лагеря к роще неподалеку, рядом с небольшим бурлящим ручьем. Это широкий плоский круг влажной, залитой лунным светом травы, сверкающей в ночи, как звезды. Я достаю локусы и крепко их сжимаю, полированное дерево холодит ладони. Я упираюсь ногами в грязь, в позу, описанную в книгах. Я вдыхаю и выдыхаю, вдыхаю и выдыхаю, пять раз.

А потом соскальзываю в Пустоту.

Войти в нее просто, инстинктивно легко. Это даже не совсем сознательное действие; это больше похоже на освобождение, как выдох после задержки дыхания. Я отпускаю это сопротивление, и мир исчезает. Яркое, залитое лунным светом небо, трава снизу, деревья, ветер и мерцающие угли костра – все это мгновенно исчезло, сменившись густым серым туманом, который окутывает меня, как саван. Я тяжело дышу, но здесь дыхание кажется другим, как

будто я вдыхаю что-то более плотное, чем воздух, например воду или дым. Вокруг танцуют хлопья пепла, черные осколки с зазубренными краями, которые закручиваются спиралью, как листья. И звук, похожий на рев реки, на вой ветра, такой громкий, что причиняет боль.

Глиф. Точно. Я поднимаю один из локусов, но перемещение сюда кажется таким неправильным и странным, как будто я заперта в янтаре, как будто каждое действие требует в сто раз больше усилий, чем прежде. Просто поднять руку – уже усилие, но помимо физического напряжения есть что-то еще. Что-то, что тянет мой разум, и мне приходится напрягаться, чтобы оставаться сосредоточенной. Я заставляю руку подняться и бросаю локус вперед.

Он вонзается в мир, *вонзается в мир*. Я представляла, что это будет похоже на рисование в воздухе, но нет, это словно резка, *высечение*. Там есть сопротивление, есть что-то мягкое и влажное, как будто я погружаю локусы в плоть. Рука дрожит слишком сильно, и мне становится все труднее и труднее дышать, и теперь ощущение, как будто в мою голову кто-то вгрызается, будто что-то пожирает мои мысли, разъедает меня. Я не была готова к такому. Мне следовало подождать. Но нет, я уже начала, уже слишком поздно, поэтому остается только продолжить.

Я уже решила, какой глиф высеку: самый простой из тех, что были в заметках, шар света. В конце концов, свет безвреден. Это же просто... свет. Даже если я ошибусь, что в худшем случае может произойти? Тогда я еще не знаю, что свет может быстро перейти в тепло. Тогда я еще не знаю, как яростно он может гореть.

Основа света – это всего лишь одна вертикальная полоса, и, когда я рывком опускаю локус вниз сквозь это, *чем бы* ни было то, что я проткнула, появляется линия, висящая в воздухе, светящаяся ярчайшим люминесцентным белым светом, настолько ярким, что больно смотреть, настолько ярким, что я заплакала бы, если бы в этом месте было возможно плакать. Рот наполняется вкусом крови и пепла, а голова болит все сильнее и сильнее, но я напрягаюсь, чтобы сосредоточиться на задании, и высекаю вторую форму, пару диагональных линий, одну сверху, одну снизу. Шум становится громче – стремительное жужжание, как будто приближается рой насекомых. Я вырезаю нижнюю линию, но, Боги, так трудно двигаться, как будто я движусь против течения, как будто рука весит тысячу тонн. Я заканчиваю последнюю линию, верхнюю, но...

Рука соскакивает. Рука просто *соскакивает*. Вес был слишком велик, шум слишком громок, и, вместо того чтобы вывести диагональную линию сверху, я высекла длинную косую черту через первый глиф, прорезав его насквозь. И мгновенно что-то произошло. Что-то плохое. Глиф начинает дрожать, пульсировать, воздух вокруг него сворачивается и вибрирует. Нити света пронизывают его с отчаянным рвением, и все дрожит, гудит и извивается.

Я все испортила. О Боги, я все испортила. И теперь мне страшно, по-настоящему страшно. Я не знаю точно, что происходит, когда глифы высечены неправильно, но знаю, что это *плохо*, и это происходит прямо сейчас. Я поворачиваюсь, чтобы бежать, и, хотя я больше не смотрю на глиф, я вижу его свет, яркий, горячий и пульсирующий, и слышу позади себя треск, похожий на хруст ломающегося льда.

Глиф позади меня взрывается с ослепительным хлопком. Обжигающие лучи белого света протыкают воздух, как копья, пронизывая деревья и оставляя пылающие полосы на земле. Я чувствую волну тепла и воздуха, которая сбивает меня с ног, отбрасывая вперед, глубже в туман и серость, где я резко ударяюсь о землю. Тело горит от пронизывающего холода. Я смотрю вниз, на свою ногу и вижу, как кожа пузырится и покрывается волдырями в месте, в которое попал луч. Но еще хуже ощущения в груди. Я не могу дышать, не могу кричать, не могу хватать воздух ртом. Как будто легкие наполнены пеплом, каждый вдох – хрип. Я пытаюсь вернуться в Реальность, но не могу. Жужжание насекомых перерастает в оглушительный шум, хлопья пепла кружат надо мной, ползут по мне, и, клянусь, что-то приближается ко мне сквозь туман, крадется в мою сторону, фигура в сером, высокая, худая и костлявая, чирикающая и рычащая, со слишком большим количеством конечностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.